Хома Брут

Автор:
Ольга Коханенко

Хома Брут

Ольга Коханенко

Семинарист Хома Брут в нечисть не верит. Все, что его заботит,– это как бы вечно пустое брюхо набить да в промозглую зиму в бурсе не замерзнуть.

Но нечисть не волнует, верит ли в нее Хома. И когда ректор семинарии отправляет его на дальний хутор, с ним начинает твориться сущая чертовщина.

Как распознать зло, порой оборачивающееся невинными и прекрасными созданиями? Как научиться с ним бороться, чтобы суметь выйти на поединок с самим Вием?

Ольга Коханенко

Хома Брут

Новелла I

Проклятый хутор

Глава I

Кондиция

Звонко бьет семинарский колокол у ворот Братского монастыря. Собирает семинаристов – грамматиков, риторов, философов и богословов с тетрадями под мышкой. Спешат бурсаки, толкаются, бранятся между собою. Стоит на площади шум и гам, хоть уши закрывай.

Залихватский свист перекрывает шум, разливается в толпе гул:

– Ректор! Ректор идет!

Замирают бурсаки. Отряхивают пыльные зипуны, расправляют пояса, чешут немытые головы, трут рукавами чумазые лица.

Осматривая их нестройные, бурлящие ряды, пузатый седой ректор в длинной рясе прячет ухмылку в седой курчавой бороде:

– Тише, тише, обормоты.

Толпа постепенно стихает. Каждый бурсак хотя бы на время старается принять приличный вид. Оглядев их, босых, уставших, а порой и больных, ректор взволнованно и в то же время радостно произносит:

– Поздравляю с окончанием учебного года! Отправляясь на вакансию, прошу вас шкоды не чинить! – Он строго глядит каждому в глаза.– Не воровать и не накликать позор на бурсу.

Бурсаки мотают головами, крестятся, мол: «Что вы, батюшка?» Изображают на лицах полное смирение и покаяние. Но сложно стоять им спокойно, не выдерживая, снова принимаются они за свое: кто-то, скрывшись от глаз, рвет страницы опостылевшего учебника, кто-то радостно раздает подзатыльники и гогочет тихонько, вполголоса.

– Ой, как жрать хочется,– схватившись за тощий живот, прошептал философ Хома Брут, уныло поглядывая на ректора.– Сам-то вон какое пузо отъел! – бурсак сердито покачал головою.– Хочет уморить нас голодом своими молитвами!

– Ага,– угрюмо вторил ему приятель, богослов Халява, рослый и плечистый парубок. На разбойничьем лице Халявы раздражение от речей ректора сменилось злостью, ничего святого явно не приходило бурсаку на ум. Но он стоял упрямо и ровно, слушая и заученно кивая.

– Пошарь по карманам, может, что завалялось у тебя? – взмолился Хома.– Не могу, ей-богу, сейчас помру с голоду.

– На вот,– сердито протянул Халява.– Удалось стащить сушеного окуня.

– И это все? – недоверчиво прищурился курчавый философ.

– Шо? – выйдя из себя, недовольно отмахнулся богослов, намереваясь убрать окуня обратно в шаровары.– Рано еще! Рынок только проснулся!

– Погодь ты! – Хома схватил окуня и, посмотрев на друга благодарно, как голодный пес, которому бросили кость, принялся жадно поедать окуня.– Спасибо! – Он осторожно оглядывался по сторонам, как бы в толпе не выхватили, а то ведь и не узнаешь кто.

– …Бабы эти, только видят меня, рукавами все закрывают,– пожаловался богослов.– Ведьмы,– заключил он и сплюнул.

– …Помолимся же Господу.– Ректор снял клобук и протяжно запел: – Дух премудрости и разума пошли мне, Господи!

Бурсаки тотчас поснимали свои шапки:

– Дух премудрости и разума пошли мне, Господи!

– Да они на всех нас так,– захихикал Хома, сбрасывая кость на землю и облизывая пальцы. Блаженство на лице его снова сменилось тревогой. Он вытянул длинную шею, оглядев площадь:

– Что-то Тиберий запаздывает. Эх! Зря мы послали его на промысел.

– Не зря! – Халява вдруг расплылся в довольной улыбке, которая так необычно смотрелась на его угловатом, грубом лице.– Смотри!

В толпе промелькнул ритор Тиберий Горобец с бегающими глазками и громадной шишкой на лбу. Пригнувшись, тощий ритор ужом заскользил между бурсаками. Очень скоро он вынырнул прямо возле Хомы и Халявы. Под одежой у него что-то шевелилось, зипун странно пучился во все стороны. Выругавшись, Тиберий сдавил подмышку локтем. Раздался поросячий визг, который тотчас поглотился пением толпы.

– Да это порося! – забывшись, в голос загоготал Хома.– Ну и проворен ты, Тиберий!

– …И просвети сердце и ум мой! – самозабвенно басил ректор.

– …И просвети сердце и ум мой! – вторили бурсаки.

– У-у, маленький совсем! – наклонившись, Халява заглянул дергающемуся Тиберию под зипун.

– Поди сам такого достань! – обиженно засопел Тиберий, отбросив руку Халявы.

– …И вся во славу твою научитеся ми!

– И вся во славу твою научитеся ми! – опомнившись, кисло пропел Халява и прошептал: – И вправду уморить нас хочет, святоша. Целыми днями молимся. Всем известно, что от постоянных молитв можно тронуться умом!

– Да неужто? – усмехнулся философ.– Тогда бы уже весь монастырь тронулся!

– А ты думаешь, нет таких?! – богослов сердито сверкнул глазами.– Ничего вы не знаете, мелкота, носитесь со своими учебниками! Известное дело, в нашей же семинарии был такой случай.

– Какой такой случай? – сдавливая порося, недоверчиво пристал ритор.

Богослов надулся как помидор, но все же ответил:

– Сам бывший ректор семинарии тронулся умом. Давно это было, откуда вам, мазунчикам, знать!

– Брешешь! – не поверил Хома.– От молитв?!

– Вот те крест, не брешу! – Халява перекрестился.– А вы, стало быть, не слыхали про ректора Варфоломея?

Хома и Тиберий отрицательно замотали головами. – Шо еще за Варфоломей? – допытывался ритор.

– Всем известно, бывший ректор.– Халява авторитетно сплюнул себе под ноги.– Очень любил молиться! Все искал древние церковные книги, священные писания.

– Что-то я всех ректоров знаю, а о таком ни разу не слыхивал,– хмыкнул философ.

– И шо, нашел он эти самые книги-то?! – от любопытства у Тиберия загорелись глаза.

– Темнота! – хохотнул богослов.– Про Варфоломея просто нигде не пишут, так как семинария его стыдится. Было это лет сто назад, уже никто ничего и не помнит толком. Но знающие поговаривают, что так зашел у него ум за разум, что ушел он в затворники и объявил себя борцом с нечистью, представляете? – Халява грубо заржал.

Хома с Тиберием недоверчиво сощурились. Порося завизжал. Ритор сморщился и засунул веревку с жупана в пасть развопившемуся поросю.

– Было-было,– подтвердил Халява.– Совсем спятив, он утверждал, что сама семинария полна нечисти! И стены ее прокляты! А однажды ночью, говорят, стащил все серебро из семинарии и исчез. Так его и не нашли.

– Да как же он утащил столько серебра? – неуверенно буркнул Хома.

– Этого не знаю,– отмахнулся Халява.– Может, помог кто? А может, и не много его было, того серебра. Только я думаю, он и тронулся-то от излишнего усердия. Какая еще нечисть в семинарии может быть?

– Знамо, кака нечисть! – вступился Тиберий.– Сейчас ее особливо много развелось, всем известно! И тогда наверняка была!

– Ну-ну,– рассмеялся Халява.

– А шо?! – вскинулся Тиберий.– Даже на нашем рынке ведьм полно! Сегодня так и хватали меня! И проклинали! И руки у всех нечистые, и морды поганые! Еле ноги унес!

– Надо было на хвосты им плевать! – с сочувствием посоветовал Хома.– Всем известно: увидишь ведьму – сразу плюй ей на хвостик, она и спужается!

– Ничего! Я и так от них отбился! – ритор надул грудь колесом.– Не так-то просто схватить Тиберия! – Он наклонился, чтобы поцеловать свою добычу в пятачок.

Громко завизжав, порося извернулся – и как выскочит у Тиберия из рук! Плюхнувшись ритору на сапоги, скотина издала истошный вопль и, задрыгав маленькими ножками, рванула в толпу.

– Держи его! – только и успел крикнуть Тиберий.

– Аминь! – пропел ректор и стал крестить воздух во все стороны.

Как по команде Халява и Тиберий бросились за поросем. Рослому Халяве никак было не протиснуться; с трудом пробираясь в толпе, он отстал. Толкаясь, шустрый Тиберий вырвался вперед, но тотчас отхватил такого тумака от какого-то бурсака, что повалился на землю и застонал.

Наблюдая за ними, философ решил действовать хитрее. Упав на четвереньки, он юркнул за скотиной прямо между ног стоящих. Хватаясь за колени и промежности, бурсаки охали, осыпая Хому проклятиями, но он неудержимо двигался вперед.

Глупый порося несся аккурат в сторону ректора. У философа защемило сердце от страха. Еще один прыжок, и удирающая скотина вырвется из толпы. Изловчившись, Хома оттолкнулся руками и, проехавшись на пузе, схватил животину за вертлявый хвостик. По площади разлетелся отчаянный поросячий визг.

– Это что такое? – прервав чтение, ректор нахмурил кустистые брови.

Толпа враз зашумела и с гоготом расступилась, открывая замершего на четвереньках Хому, еле удерживающего за хвост ошалевшего от страха порося. Осрамившись, семинарист скованно потянулся, стараясь удержать скотину за скользкие бока, чтобы унять:

– Молчи ты! Иди сюды!

Порося обиженно заверещал и лягнул Хому в нос.

– Ай! – вскрикнул философ и выпустил его. Порося мгновенно обогнул улюлюкающую толпу, которая все ж не решалась нападать на него перед взором ректора, и, прихрамывая, в полминуты унесся с площади. Не выдержав, бурсаки повалились со смеху. Дисциплина была окончательно нарушена.

– Снова промышляете воровством? – раздался над головою философа сердитый голос ректора, и бурсаки неохотно притихли. Ректор сделал несколько шагов, подойдя к Хоме, лежавшему в пыли с распухшим, как слива, носом.– Хорошо же, отдохни пока,– ректор обвел глазами бурсаков и махнул рукой.– Отправляйтесь все с Богом!

Толпа радостно поклонилась, загалдела и потекла с площади в разные стороны.

– А ты останься, дело есть,– приказал ректор Хоме, отходя в сторону и пропуская бурсаков.

Через пять минут не осталось никого, кроме ректора и дьякона, о чем-то шептавшихся у дверей монастыря и, казалось, совершенно забывших про философа. Хома робко пошевелился, решив незаметно уползти за остальными.

– Куда? А ну стоять! – обернувшись, гаркнул на него ректор.

– Пороть будете? – задрав чумазую голову, Хома заискивающе улыбнулся самой широкой и жалобной своей улыбкой.

– Надо бы,– пузатый ректор надулся и задумчиво пожевал губу. – Впрочем, у меня есть идея получше, – он недобро ухмыльнулся.– Ты ведь сирота?

– Сирота,– Хома уселся на землю и сделал такую грустную мину, что ректор сплюнул, перестав сердито хмуриться.

– Ну, значит, никуда не торопишься,– заключил он, поднимая парня за шиворот и отряхивая его от пыли.– Давай-ка поговорим. Ты кто таков?

Бурсак внезапно почувствовал сильную слабость. С трудом удержавшись на ногах, он пробормотал:

– Хома Брут аз, Ваше Высокопреподобие.

– Что-то ты какой-то совсем вялый,– ректор пригляделся к нему и неожиданно спросил: – Саблей владеешь?

Хома замотал головою, стараясь сбросить оцепенение и дурноту. Не помогало. Как в тумане, он слабо промямлил:

– Владею, Ваше Высокопреподобие.

– Откуда? – Видя, что парубку совсем нехорошо, ректор отпустил ворот его рубахи и немного отступил.

– Козаки дитём учили, на хуторе. Еще до бурсы, – моргая, чтобы согнать пелену с глаз, признался философ.

– Значит, неважно владеешь,– разочарованно заключил ректор.– Ну, тебе же хуже. Вот что, братец, отправляйся-ка ты на дальний хутор.

– Зачем это?! – почувствовав, как дурнота внезапно ушла, парень насторожился.

– Затем это! – грубо отрезал ректор, надувая усы.– Один зажиточный пан хочет обучать сыновей Святому Писанию.

– А я при чем? – удивился философ.– Я…

– Нет, ну какой неблагодарный! – возмущенно прервал его ректор.– Когда тебе еще, обормоту, представится такая возможность?! Он еще кочевряжится! Говорю тебе, тот пан щедро платит,– ректор сменил гнев на милость.– Через год, глядишь, выдаст тебе новые сапоги. А если детишки наберутся уму-разуму, то, может, даже сюртук купит. Да и семинарии он помог… Так что ступай,– улыбнувшись, как хищный зверь, велел ректор.– Если сейчас выйдешь, аккурат за два дня доберешься,– и, не слушая никаких возражений, он повернулся к дьякону: – Выдать ему ржаных сухарей да сушеных фруктов! – дьякон поспешно поклонился.– И саблю,– добавил ректор и задумался.– Какую попроще…

Тяжело зашагав прочь, он скрылся в дверях семинарии.

– Зачем саблю-то? – испуганно выдохнул Хома. Ответа не последовало.

Через полчаса, получив все, как наказал ректор, голодный бурсак отправился в путь, горюя о сбежавшем поросе и взволнованный внезапно представившейся ему кондицией.

На выходе с площади его поджидали, сидя на брусчатке, богослов Халява и ритор Тиберий. Тиберий подскочил при виде философа и подбежал поближе, сгорая от любопытства, но не решаясь спрашивать.

Разглядывая свои дырявые сапоги, Халява недобро ухмыльнулся в черные усы:

– Что, задал тебе ректор крупного пороху?

– Нет,– с усмешкой ответил Хома, выпятив грудь колесом, и, не останавливаясь, прошел мимо них.– На кондицию отправил. К зажиточному пану.

– Да как же это?! – богослов мгновенно забыл про сапоги. Тяжело поднявшись, он поспешил за философом.– Это за какие такие заслуги?!

– За разные.– Хома деловито прикурил люльку.

– А сабля у тебя откуда? – семеня за ними, ритор удивленно открыл рот.

– Подарок от ректора,– хмуро отмахнулся философ и поправил дорожный мешок на плече.

– Ух ты, какой пышный! – богослов смачно сплюнул табак из люльки на землю.– Чую, что-то здесь нечисто!

– У тебя кругом все нечисто! – Хома поджал губы и продолжил шагать, мрачный как грозовая туча.

Тиберий остановил его, робко встав посреди пути и схватив за краешек жупана:

– Ну, расскажи, а? Шибко любопытно.

– Сам не знаю, что и рассказывать,– выдохнув, философ поник. Вся его спесь разом улетучилась. – Сперва я думал, что он меня накажет за порося, а он раз – и про пана заговорил. Говорит, ежели буду стараться, через год купят мне новые сапоги, а может, даже сюртук.

Халява присвистнул.

– Нечему тут радоваться! – признался Хома и, не сбавляя шага, с досадой пнул камень.– Ох, и не нравится мне это!

Горбатая старушка, медленно шедшая им навстречу, завидев бурсаков, мгновенно перебралась на другую сторону улицы, не забывая оглядываться и креститься без устали. Пройдя всю улицу, бурсаки вышли к безлюдной поляне.

– Такая честь! – размечтался Тиберий, едва поспевая за Хомой.– Ну, правда, чего ты тревожишься? Работенка хорошая, да и награда щедрая!

– Тоже мне радость, обучать мелкоту,– остановившись, пробубнил Хома.– Может, враки одни, что заплатят! – он сердито вытер нос рукавом, оглядываясь вокруг.– Отправил бы ректор меня, дурака, когда столько желающих! Явно, тут что-то нечисто! – Нащупав табак, Хома снова набил люльку и уселся на землю возле ясеня. Тупая сабля звякнула о сапог.– Еще как дурень тащусь с оглоблей этой! – бурсак сердито осмотрел тупое острие хлипкой сабли.– Такой только каравай резать! Одно пальцы изранишь!

– Ну, хочешь, я вместо тебя пойду? – пристраиваясь рядом, наивно спросил Тиберий.

– Куда тебе?! – отмахнулся философ.

– Полно тебе жаловаться,– хохотнул Халява, опускаясь на землю.– Надо пожрать раздобыть! И идти станет веселее!

– Нате вот! – Хома равнодушно сбросил с плеча походный мешок и, развернув его, вытащил хлебные сухари и сушеные фрукты.– Жрите!

Халява и Тиберий переглянулись и мгновенно набросились на припасы.

– А ты как же? – прочавкал ритор с набитым ртом.– Путь-то, небось, неблизкий?

– Придумаем,– Хома равнодушно хмыкнул.– На этом все равно далеко не уйдешь!

– Это точно! – Дожевав последний сухарь, Халява смахнул с усов крошки, прилег на траву и прикурил трубку.– Нужно дождаться сумерек да и отправляться в рейд. Я помню, сразу возле шляха будет дивная полоса огородов.

– Мне спешить нужно,– пуская кольца дыма, лениво засомневался Хома.

– Куда тебе спешить-то? – заржал богослов. – Сам сказал: дело темное, не пойми куда идешь! Так что спешить некуда, спи! – с этими словами он закинул здоровенные ручищи за голову и вскоре захрапел. Хома с Тиберием не мешкая последовали его примеру.

Проспав несколько часов, Хома проснулся оттого, что тело затекло – неудобно лежать на твердой земле, да еще и облокотившись головою о ствол дерева. Потянувшись, парень растолкал друзей, лениво отмахивающихся и не желающих вставать, и троица наконец двинулась дальше.

Когда пришли они к огородам возле старых покосившихся хат, уже вечерело. Грядки, про которые говорил Халява, вид имели совершенно разграбленный.

– Видать, бурса уже побывала здесь,– хихикнул Тиберий.

– Эх, рано, светло еще,– со знанием дела проворчал Халява.– Нужно темноты подождать!

– Глядите, вон нетронутый! – Хома заприметил аккуратный огород в стороне от остальных.

Бурсаки переглянулись и, пригнувшись, рванули по грядкам.

Схватив спелую тыкву, Хома с трудом перерезал длинный стебель, неловко орудуя саблей, и запихнул ее в дорожный мешок. Халява одну за другой резал дыни ножом, рассовывая их в огромные карманы шаровар. Тиберий, замешкавшись, испуганно глазел по сторонам.

Вдруг за спиною философа раздался выстрел, и мимо виска что-то пролетело. Замерев, бурсаки обернулись, поглядев туда, откуда стреляли. На пороге покосившейся хаты стоял хилый дед в драных шароварах и перезаряжал ружье.

– Сейчас я вам покажу, бурсачье отрепье! – грозился дед, трясущимися руками засыпая порох.

Из хаты выскочила сухая старуха и замахала на деда руками: «Да ты чего, старый! Это ж голодные дети!»

– Не ввязывайся, баба,– дед оттолкнул старуху и, наспех закончив заряжать, прицелился.

– Бежим! – крикнул Хома и, выронив дорожный мешок, рванул по грядкам. За ним, поскальзываясь, бежал юркий Тиберий. Грузный Халява с трудом поспевал за остальными. Раздался новый выстрел. Пуля угодила в тыкву возле левой ноги богослова. Снова выстрел. Удивленно обернувшись, Хома заметил, что к деду присоединился парубок с ружьем.

Халява, почуяв, что он самая крупная мишень, внезапно наподдал скорости и, топча грядки громадными сапожищами, вырвался вперед. Через несколько мгновений, спустившись с холма, он совершенно скрылся из виду.

Хома с Тиберием рванули за ним, по очереди дыша друг другу в затылок. Не заметив корягу, философ запнулся и, повалившись на щуплого ритора, увлек его за собою. Вместе они прокатились с холма по грязи и бессильно обмякли.

Сердитый Халява поднял их за поясные веревки. Богослов тяжело дышал и был зол даже больше обычного. Поставив на ноги сперва Хому, а затем Тиберия, он развернулся к раздваивающемуся шляху:

– Вот что. Мне пора идти. Еще нужно найти, где заночевать,– и, не промолвив больше ни слова, зашагал направо.

– Погоди! – крикнул ему вслед Тиберий и, махнув Хоме на прощание, поспешил за быстро удаляющимся богословом.

Философ потер ушибленный бок, с грустью поглядел вслед товарищам, понимая, что ему нужно идти по шляху в другую сторону.

– Ничего, справлюсь! – Отряхнув зипун, Хома поглядел вдаль и решительно свернул налево.

Глава II

Заброшенный шинок

Хромая, Хома одиноко топал по пыльному шляху. Смеркалось. Багровая заря уже давно отцвела, забрав вместе с собою тепло. Вечерняя роса тонкими бусинами усыпала траву. Поля вокруг поблескивали, словно звездное небо. Большой палец бурсака неприятно саднил после падения. К тому же он с огорчением обнаружил, что разорвал сапог и теперь тот просил каши, в любой миг рискуя развалиться. Дорожного мешка у него больше не было, зато вечно сопровождающий его в семинарии голод – был.

Семинарист уныло брел, завистливо поглядывая на горящие вдалеке огни хуторов.

«Как здорово было бы оказаться сейчас в тепле, – мечтательно подумал он и тут же спохватился: – Наверное, мне не стоит задерживаться в дороге, если я не хочу разгневать пана. Кто знает, как он воспримет опоздание? Вдруг осерчает и прогонит? Тогда весь этот путь будет проделан совершенно напрасно. Да еще и ректор будет недоволен, что я не выполнил его поручение…»

Где-то вдалеке брехали собаки, словно напоминая, что вокруг все же есть люди, пусть и далеко. Поднялся сильный, пронизывающий ветер. Пыль и песок больно ударяли в глаза, заставляя парня щуриться и постоянно останавливаться, чтобы проморгаться.

В очередную такую остановку Хома заметил впереди неприглядный деревянный шинок с соломенной крышей. Покосившееся строение было давно не белено, одна из стен завалилась, ее подпирала балка.

– Все же лучше, чем в поле ночевать! – поежился Хома.– Да еще и с пустым брюхом! – пошарив в шароварах, он нащупал два полугроша.

– Ладно, небольшая остановка не повредит. Э-э-эх! Лишь бы пустили!

Бурсак робко направился к шинку. Вокруг валялся всякий мусор, потрескавшиеся лавки и битая посуда. Трава росла так густо, что Хома на мгновение усомнился, не заброшен ли шинок. Но тусклый свет, мягко лившийся из узкого немытого окна, убедил бурсака попытать удачи.

– Видать, шинкарка шибко уродлива! – с усмешкой пробормотал парень, оглядывая шинок, и рассмеялся собственной шутке, никак не решаясь сделать

последние несколько шагов.– Али безрукая!

Холодный ветер подтолкнул бурсака в спину, напомнив о его бедственном положении. Скукожившись, Хома задумчиво поглядел на полугроши, спрятал их в карман и решительно направился к двери: «Эх, была не была! Авось пустят заночевать!»

Перешагнув густо растущую перед входом крапиву, бурсак припал к окну, сплошь увитому паутиной.

Внутри шинок выглядел еще мрачнее, чем снаружи,– впрочем, из-за грязи было мало что видно. Пытаясь хоть что-то разглядеть, краем глаза Хома заметил какое-то шевеление. Значит, внутри кто-то был.

Набравшись храбрости, парень отошел от окна, отворил тяжелую дверь и заглянул внутрь. Косматый худой мужик в грязной рубахе сидел на лавке и, опустив руки, пялился на чарку горилки на столе. Вокруг царило запустение: тут и там стояла немытая посуда, стены украшали узоры паутины, пол был давно не метен. Освещался шинок одной тускло горящей свечей, стоящей на столе, за которым сидел мужчина.

Услыхав скрип двери, он медленно поднял лохматую голову и недобро глянул на Хому. Парень от неожиданности даже попятился, подумав про себя: «Кажется, и здесь не рады бурсакам…»

Мужчина неуклюже попробовал встать, но у него не вышло. Он злобно улыбнулся и вдруг рассмеялся. Лицо его приобрело заинтересованное и благодушное выражение, он выпрямил спину и произнес елейным голосом:

– Чего тебе, хлопец? Горилки хочешь?

Хома из вежливости снял шапку и, продолжая мяться на пороге, сделал самую жалостливую мину:

– Пусти, хозяин, переночевать? Не хочется в поле оставаться.

Мужчина обвел шинок мутным взглядом, словно соображая, о каком таком поле Хома говорит.

– Что ж,– шинкарь чертыхнулся, безуспешно намереваясь встать. Задумчиво оглядев бурсака от курчавой головы до дырявых сапог, он прибавил:

– А платить есть чем?

– Конечно, есть! – нервно хихикнул Хома.– Только не сейчас, попозже. Я направляюсь на кондицию, мне щедро заплатят! – торопливо пояснил он и, умоляюще взглянув на хозяина, пообещал: – На обратном пути заплачу обязательно!

Шинкарь недоверчиво усмехнулся, что-то прикидывая в голове, и наконец сказал:

– Проходи. Так пущу.

С трудом поднявшись, мужчина смахнул рукавом со стола засохшие крошки и отодвинул от себя чарку. Был он без сапог, да и вообще, кроме запятнанной рубахи, на шинкаре ничего не было. Прикрыв рубахой тонкие коленки, мужик указал на лавку:

– Я сейчас, присаживайся.

Хома робко ступил в шинок и сел на то место, где только что сидел хозяин. Прикрывая голый зад, шинкарь скрылся из горницы и вернулся в мятых штанах и в сапогах, аккуратно причесанный. Глядя на ерзающего на лавке Хому, он вежливо поинтересовался:

– Голоден небось, хлопче?

«Спрашиваешь еще»,– подумал про себя бурсак, а вслух сказал: – Ей-богу, голоден! В животе как будто кто колесами ездит!

– Ну-ну,– улыбнулся шинкарь и, покачиваясь, поспешил из горницы.

«Кажется, печь растапливает,– прислушался парень, оглядывая унылый шинок.– Не похоже, чтобы здесь было что пожрать!»

На мгновение ему показалось, что в дальнем углу промелькнула тень. Бурсак встревоженно уставился туда. Освещение было таким тусклым, что таращиться бесполезно, все равно ничего не разобрать. Решив, что это могла быть крыса, Хома успокоился.

Послышались шаги, вернулся шинкарь. Улыбнувшись, он опустил на стол перед Хомой свежий на вид и почти целый каравай, две чарки горилки и полмиски едва теплых галушек: «На вот, угощайся!»

Хома жадно глянул на угощение. По всему шинку раздалось голодное пение его живота.

– Ну, чего же ты робеешь? – рассмеялся шинкарь.

– Хозяин,– у парня даже голова закружилась, так сильно он хотел есть.– Значит, по рукам: деньги на обратном пути?

– По рукам,– ухмыльнулся шинкарь, и его лицо стало серьезным.– Меня Горивит зовут, запомнишь?

– Запомню,– кивнул бурсак.– А я философ Хома Брут, иду из семинарии на кондицию к зажиточному пану,– зачем-то прибавил Хома и, не дожидаясь ответа Горивита, жадно припал к одной из чарок. Густая горилка потекла по усам, бурсак враз повеселел и стал разговорчивее:

– А что, Горивит, дела идут не очень?

– Это почему ты так решил? – Шинкарь отвернулся и взял из угла метлу.

«Ясно же, что неважно,– подумал Хома, опустошая вторую чарку.– Прислужницы даже нет. Ну да не стоит его злить».

Хозяин погрузился в свои мысли и стал мрачно подметать шинок, покачиваясь и сердито косясь по углам.

Согревшись, Хома обмяк и расслабился. Глядя на сутулую спину Горивита, он вяло думал: «Эк удачно сложился вечер! Всяко лучше, чем в поле ночевать!»

Съев и выпив все, что подал хозяин, Хома хотел окликнуть Горивита, но тут откуда-то из угла выпрыгнул страшно уродливый кот. Выскочив под ноги испуганно схватившемуся за сердце шинкарю, котяра уселся перед столом, уставившись на Хому недобрыми мутными глазищами. Морда у кота была паскуднейшая. Оба глаза заплыли бельмами, и весь он был невозможно потасканный, облезлый, горбатый и ужасно наглый.

Парень даже замахал руками под его тяжелым взглядом:

– Сгинь! – и перекрестился три раза. Котяра препротивнейше зашипел и медленно побрел прочь, пропав из виду.

– Что, напугал он тебя? – выдохнув, ухмыльнулся шинкарь.

– Ну и мерзкий котяра! – признался бурсак. – Твой, что ль?

– Достался вместе с шинком,– угрюмо ответил Горивит и глянул на пустые чарки.– Еще горилки тебе?

– Можно,– удивленный такой щедростью, Хома так и замер.– Сейчас у меня с собою вон только… – он вынул из кармана медяки и, положив на стол, придвинул к Горивиту.

Шинкарь со вздохом взглянул на медяки.

– Убери,– и, взяв чарки, пошел за новой порцией. Смутившись, Хома протянул руку и сунул полугроши обратно в карман.

Откуда ни возьмись снова вылез котище и, по-хозяйски развалившись на полу посреди шинка, злобно уставился на семинариста больными глазами.

«Ну и страшилище,– Хома перекрестился.– Такой всех посетителей распужает! Но, может, он мышей да крыс хорошо ловит?»

Кот равнодушно отвернулся от парня, свернулся клубком и, кажется, задремал.

Тем временем показался хозяин с полными чарками горилки в руках. Не заметив кота, шинкарь споткнулся об него и, не успев выставить руки, грохнулся на пол и опрокинул чарки. Горилка потекла по полу и по одежде. Громко взвыв, котище вытянул когти и прыгнул мужику на ноги. Горивит заорал во всю глотку и, перевернувшись, замолотил кулаками по коту, стараясь стряхнуть его: «Тварь!»

Охнув, Хома бросился на помощь шинкарю, оттаскивая от него истошно воющего котяру. Тот бился как дикий зверь, тараща жуткие глаза и плюясь во все стороны. Лапы у него оказались удивительно мускулистыми и противными на ощупь даже больше, чем на вид. Изрядно попотев, Хома насилу оторвал его от Горивита. Наконец побежденный кот отстал и с мерзким шипением уполз куда-то в угол.

Шинкарь обалдело оглядел залитые горилкой штаны и истерзанные ноги. Потом схватил Хому за руку, чтобы подняться.

– Ну и скотина! – он испуганно озирался по сторонам. Руки у него дрожали.– Давай-ка выпьем! – в отчаянии предложил он и, ссутулившись, поспешил за новой порцией горилки.

– Почему б не выпить? – ухмыльнулся ему вслед Хома, довольно пригладил усы и, развязав зипун, по-хозяйски плюхнулся на лавку.

Хозяин вернулся с четырьмя чарками горилки и, расположившись рядом с гостем, принялся жадно пить.

– Спасибо тебе, Горивит! – Хома с таким удовольствием припал к чарке, что у него на глазах заблестели слезы счастья. Горивит ничего не ответил.

Молча и торопливо они выпили по две чарки. Подмигнув Хоме, хозяин резво принес еще.

– Нет, ну какой противный кот! – захмелев, обратился к нему Хома.– Шибко он тебя?

– А! – Горивит равнодушно показал на дырки в штанах. Сквозь рваную ткань виднелись кровавые подтеки.– Не впервой,– грустно хохотнул хозяин.

– Да гнать его надо! – разошелся Хома и ударил кулаком по столу.– Ишь, чего творит!

В углу снова промелькнула тень. Парень сжался, испугавшись, что кот, услышав его слова, вдруг выскочит и вцепится ему в лицо.

– Надо,– уткнувшись в чарку, Горивит совсем помрачнел и явно не желал поддерживать беседу.

Зато захмелевший Хома был необычайно доволен. Чем больше заполнялся его живот, тем сильнее теплело у него на душе. Ему было так хорошо, что захотелось обнять весь мир, даже противного кота и угрюмого хозяина. Зажмурившись, бурсак затянул песню:

Там, у вишневом у саду,

Там соловейко щебетал.

До дому все просилась я,

А он меня не отпускал.

Ты милый мой, а я твоя,

Пусти меня, взошла зоря.

Проснется матушка моя,

Захочет знать, где я была.

– А ты на то ей дай ответ:

– Была чудесной майска ночь.

Весна идет, красу несет,

И рады все ее красе!

Горивит хоть и путал слова, вторил ему:

Ты, мать моя, не молода,

Я – молода и весела.

Я жить хочу, и я люблю!

И не ругай ты дочь свою.

– Ах, дочь моя, речь не о том,

Где ты гуляла в эту ночь.

Коса твоя расплетена,

А на глазах блестит слеза.

– Коса моя расплетена,

Ее девчата расплели.

А на глазах горит слеза,

Ведь попрощалась с милым я…

– Скучно, хозяин! – шикнул на него Хома.– Мрачно, невесело. Потому и шинок пуст, понимаешь? Да разве так отдыхают?! Надо так, чтобы душа от восторга развернулась! – отстегнув саблю и положив ее на стол, парень вскочил с лавки.– А хочешь, я спляшу?

Горивит ничего не ответил, но разгулявшемуся Хоме было все равно. Вскочив с лавки, он принялся отплясывать гопака, залихватски приседая и весело посвистывая. По полу застучали его сапоги. Бурсак зарумянился, заулыбался.

Впервые за долгое время он был таким сытым и пьяным. Забыв обо всем на свете, Хома кружился в танце, спотыкаясь, тяжело дыша, но не сбавляя темп, не боясь мерзкого кота и не обращая внимания на хозяина, который перестал петь и глядел на него недобро, с каждой новой чаркой становясь мрачнее тучи.

Исполнив три длинные песни и одну покороче, намотав несколько кругов по шинку, парень наконец запыхался. Подбежав к столу, он плюхнулся на лавку, чтобы промочить горло. Отхлебнув горилки, он облил усы, довольно облизнулся, громко по-детски рассмеялся, качнулся на лавку и захрапел.

Глава III

Плата за жадность

Проснулся бурсак от громкого воя и отвратительного шипения, которое казалось таким громким, будто раздавалось прямо у него в голове. С трудом разлепив хмельные веки, Хома тотчас снова закрыл их, лениво свесил руку с лавки и промямлил спросонья:

– Кто здесь?

Рука коснулась чего-то лохматого, шерстяного и грязного. Решив, что это его любимый пес Бубен прибежал разбудить заспавшегося до полудня хозяина, бурсак улыбнулся, потрепав его по боку.

Бубен почему-то не подставил слюнявую пасть и мягкие уши, а отпрянул, словно чужой.

«Капризничает,– продолжая дремать, Хома рассеянно думал: – Интересно, почему Бубен такой слизкий?! Опять забежал в летнюю хату и опрокинул на себя чарку киселя? Ох, и достанется нам обоим от Варвары…»

Повернувшись, парень едва не свалился с лавки.

И мгновенно вспомнил, что ему больше не шесть лет. Он не в родном хуторе. Нет ни любимого пса, ни летней хаты, ни всегда строгой Варвары, которая присматривала за ним вместо умершей матери. Да и за окном был не полдень. Чернела ночь. Сквозь узкое окно бледный месяц едва ронял блики на стол перед Хомой. Грязный шинок, не освещаемый больше ни одной свечой, казался теперь не таким унылым. Зато гораздо более пугающим.

«Кто же тогда меня разбудил?» – нехотя, через силу Хома сел на лавке.

Ощущение непонятной тревоги одолевало его, заставляя сердце бешено колотиться.

Приглядевшись, в полумраке догорающей свечи он увидел, что возле стола стоит лохматое нечто. То ли человечек, то ли зверь. Его горбатое тело кое-где покрывала шерсть, свисавшая грязными клоками с боков и лица. Или морды? Лицо это было или морда, Хома так и не сумел разобрать. Разрез глаз был кошачьим, кроме того, при повороте головы глаза вдруг ярко вспыхнули в темноте зеленым светом, а затем снова подернулись отвратительным бельмом, как у слепых. Из пухлых щек, покрытых шерстью, вились совершенно кошачьи усы. Но нос и рот были человеческими. Почти человеческими – мешали острые неровные клыки, частоколом торчавшие из-под слабого подобия губ. На скрюченное тело была надета узкая жилетка до пояса. Штанов у существа не было. Стояло оно на задних лапах. Или ногах? Вместо ногтей из волосатых рук или из того, что должно было быть руками, торчали длиннющие страшные когти, достающие аж до пола. Облезлый хвост постоянно двигался, не прекращая ни на секунду.

Существо не обращало на Хому никакого внимания, жадно вылизывая чарку из-под горилки длинным змеевидным языком и причмокивая от удовольствия. Закончив, оно бросило чарку на стол, по-кошачьи взмахнуло лапой и опрокинуло всю посуду на пол. Раздался звон. Разбрасывая хвостом осколки по шинку, существо заметно развеселилось.

Хома замер, боясь даже шелохнуться, потом тихонько отполз к стене, трижды перекрестился и закричал: «Сгинь, нечистый!»

Схватив чарку, что стояла возле него, он запустил ее в чудище.

Существо взвыло, отскочило в угол, прыгая на задних лапах и потрясая передними, на манер обезьяны.

– Чертовщина! – зашептал Хома и повалился с лавки.– Горивит! На помощь! – простонал он и стал ощупью искать хозяина в полумраке. Шинкаря нигде не было. Хома остался в шинке совсем один. Вместе с непонятной тварью. Дрожа, парень схватил со скамейки шапку и пополз к двери. Его рука наткнулась в темноте на что-то острое. Хома вскрикнул и, отбросив разбитое блюдо, резко рванул вперед. Вскочив на ноги, он распахнул дверь шинка. Вдалеке промелькнул стремительно удаляющийся силуэт. Хома с горечью и ужасом осознал, что это был Горивит.

«Значит, шинкарь не придет на помощь. Главное – успеть убежать».

Вдруг за спиной парня раздался угрожающий рык. Медленно обернувшись, Хома увидел, как существо подбирается к нему на мощных корявых лапах, царапая когтями по полу шинка. Горящие глаза чудища смотрели на него с одним только желанием – убить.

Хома сделал отчаянный рывок. Но вдруг почувствовал, как силы покидают его. Руки и ноги обмякли, в глазах потемнело.

Распахнув глаза, он увидел, что вокруг светло. А сам он словно плывет в сером тумане бесконечного нечто. Его тело, руки и ноги полны сил. Внутри клокочет яростная злоба, жаждущая крови и чьей-то смерти.

Поток сильного ветра начал трепать Хомины одежды. Задрав голову, он увидел, что над ним кто-то возвышается точно так же, как возвышалась неизвестная тварь. Только это существо было совсем не страшным. Сходство с котом исчезло. Перед лежавшим на животе Хомой стоял уставший сгорбленный человек, в жилетке и штанах. Некрасивый, грустный, смотрящий на него удивленно и напуганно, словно не понимая, как он мог повстречать Хому посреди этой бесконечности.

Хома улыбнулся и помахал человеку рукой. Лицо человека перекосилось от ненависти, из его глаз и рта выскочили зеленые языки пламени. Издав страшный вопль, человек проворно прыгнул Хоме на плечи и, вскочив на спину, вонзил ногти в мягкую плоть. От боли у бурсака перехватило дыхание. Он начал проваливаться куда-то в пустоту, не чувствуя под собою никакой опоры. Вся сила вмиг исчезла. Он попытался крикнуть, но только открывал и закрывал рот, не издавая ни звука.

Моргнув, Хома снова очутился в старом шинке, на полу. Тело просто разрывало от боли. Ужасное котообразное существо выплясывало на нем, вонзая когти все глубже в плоть. Парню показалось, что захрустела даже грудная клетка, готовая лопнуть под тяжестью чудища. Он бешено глотал воздух, махая руками и ногами, силясь сбросить нечисть. И истошно орал.

Надавив сильнее, чудище завыло, стало яростно кромсать ткань зипуна, отрывая ее вместе с клочками кожи, словно стремясь добраться до сердца.

Завизжав от чудовищной смертельной боли, Хома извернулся и перекатился на бок. Внезапно ему удалось скинуть существо. Откатившись, страшилище заскакало вокруг него, махая лапами, звеня когтями, целясь в горло, в живот.

Приготовившись, оно прыгнуло. От страха Хома выбросил вперед слабые руки, неожиданно для самого себя схватив чудище за усы. Существо округлило глаза, забилось, стараясь вырваться, но парень только крепче сжимал усы. Из распахнутого рта, щелкающего громадными кривыми зубищами, на Хому капала густая зловонная слюна. Существо замолотило лапами и вонзило когти Хоме в плечи, стремясь вырваться.

Почувствовав, что задыхается, бурсак собрал последние силы. Ударив существо сапогом в подбородок так, что затрещали кривые тонкие зубы, он откатился ближе к двери. Медленно встал на четвереньки и выполз из шинка.

С воем упав на пол, чудище затрясло головою. Воспользовавшись паузой, Хома кое-как поднялся на дрожащих ногах и побежал.

Через несколько шагов он запнулся и упал. Растерзанная спина горела от боли. Смоченная кровью одежда прилипала к телу. Кровь была даже в сапогах.

«Бежать. Не сдаваться,– пульсировало в Хоминой голове.– Сейчас оно меня нагонит».

Каждое мгновение ожидая нового удара, новой боли, парень обернулся и увидел беснующееся чудище на пороге шинка. Не выходя наружу, существо яростно шипело и рвало когтищами дверь.

Догадавшись, что преследовать его не будут, Хома повалился лицом в землю и тяжело задышал.

Неизвестно, сколько он так пролежал, не двигаясь и не подавая признаков жизни.

Вдруг в темноте рядом с ним послышался шорох. Парень испуганно вскинулся. Из кустов орешника выглянул встревоженный шинкарь. Увидев, что бурсак жив, он заискивающе поинтересовался:

– Как ты, Хома?

– Как я?! – злобно булькнул Хома, сплевывая пыль и кровь.

Из шинка послышался протяжный вой. Существо, стоя на пороге, приметило шинкаря, на поясе у которого самым неожиданным образом болталась Хомина сабля.

– Я тебе… сейчас… покажу, как… я,– парень попробовал встать, но не смог.

Горивит медленно попятился назад:

– Ты чего?!

– Стой… собака! – с трудом поднявшись на руки, Хома быстро задышал, стараясь превозмочь страшную боль в спине.

Но шинкарь продолжал отходить в сторону. Вскрикнув, бурсак схватился за ветвь орешника и встал на ноги. Стиснув зубы, он неловко направился к шинкарю.

Тогда Горивит развернулся и стал удирать каким-то очень странным способом. Вместо того чтобы бежать от хромого, израненного и едва передвигающего ноги Хомы, шинкарь петлял из стороны в сторону, все время оглядываясь назад.

– Эка путает меня, нечистый! – продолжая идти, Хома вытер рукавом взмокший лоб.– Словно не сбежать хочет, а под землю схорониться. Врешь, собака!

Парень прибавил скорости, в несколько шагов настигнув Горивита, который двигался так заторможенно и странно, словно увязал в липком желе.

Вытянув руку, Хома схватил его за рубаху. Ойкнув, Горивит вырвался, проворно выскочив из нее, и рванул было вперед, но вдруг словно ударился о невидимую

стену, неуклюже упав на землю. Схватившись за лицо, шинкарь застонал.

– Ничего не понял,– стоя с рубахой в руках, Хома озадаченно уставился на него.

– Молю, только не бей! – заканючил шинкарь.– Я не желаю тебе зла!

– Не желаешь мне зла?! – отбросив рубаху, бурсак замахнулся сапогом.– Так ты, значит, гостей встречаешь? Поишь, кормишь, а потом тварь свою выпускаешь?!

– Нет, все не так! – жалостливо закричал Горивит.– Пощади! Я сам страдаю!

– Ты меня не путай! – перебил его Хома.– Ясно же, что водишься с нечистыми! – он не удержался и пнул шинкаря.

– Пощади! – закрывая лицо грязными руками, Горивит захныкал, как баба.

Склонившись, Хома придавил его за горло:

– Говори, что за чудище в шинке?

– Это… это злыдень! – дрожащими губами прошептал шинкарь.

Со стороны шинка раздался протяжный злой вой. Затем человеческий смех. Существа не было видно с такого расстояния, но Хома готов был поклясться, что оно все еще там.

– Что еще за злыдень? – Он замахнулся кулаком.– Ты водишься с нечистью?!

– Да нет же! – прохрипел Горивит.– Эта тварь досталась мне вместе с шинком, я не виноват! Отпусти, я все равно не могу убежать.

Рассудив, что это правда, хоть и не понятно почему, Хома убрал руку с горла шинкаря. Со стоном усевшись на землю, он устало обтер лицо шапкой:

– Рассказывай.

Отдышавшись, Горивит осторожно подполз к нему.

– Да чего рассказывать-то? – заискивающе глядя в глаза, начал он.

– Все по порядку,– парень с отвращением отвернулся от него.– Узнаю, что соврал, придушу.

– Ага, ага,– живо закивал шинкарь.– Плохой год был у нас с жинкой, значит,– заунывно начал он. – Все сукно, что мы закупили на рубахи, пожрала моль, урожай где засох, где повытоптали. Дети голодные, мы сами раздетые, начали мы много браниться. Ясное дело, когда нищета грозит, все бранятся. Решил я тогда супротив ее воли продать всех поросей…

– Так, давай ближе к делу,– не выдержал Хома, которому не давала покоя боль в израненной спине.

– Так я и веду к делу! – засуетился Горивит.– Во всем моя жадность виновата, понимаешь? Говорила мне жинка, что дело нечисто, когда я покупал эту хибару! Больно дешево запросил бывший хозяин. Да еще и радовался, ну чисто как ребенок, когда продал ее мне. А у меня, у дурака, глазищи-то и разгорелись! Всю жизнь мечтал иметь собственный шинок! – запричитал Горивит.– А тут такая удача!

– А пакость эта откуда появилась? – Сплюнув, парень стал оттирать рукавом кровь и пот с лица.

– Она всегда тут была.– Мужик вытащил из кармана шаровар мятый лоскут тряпки и услужливо предложил Хоме: – Давай спину посмотрю?

Бурсак нехотя повернулся.

– Пресвятая Богородица! – Шинкарь перекрестился.– Вот ведь чертяга проклятая! Я в жизнь не подумал бы, что он так на тебя набросится!

– Правда? – угрюмо ухмыльнулся парень, отодвинувшись от шинкаря.– А саблю мою случайно прихватил?!

– Ах, это,– Горивит смутился и, отвязав саблю, передал ее Хоме.– На, возьми. Я и пользоваться-то ею не умею.

Бурсак принял саблю, на всякий случай отодвинув ее подальше от Горивита. Шинкарь тем временем совсем повесил нос. Всхлипнув, он еще раз поглядел на Хомину спину и попросил:

– Прости, что так получилось. Я просто хотел сбежать. Думал, ты станешь новым хозяином, а я смогу уйти,– Горивит еле сдерживался, чтобы не зарыдать. – Видать, не получится так. Проклятый злыдень все чувствует! Он привязан к шинку,– пояснил шинкарь. – Он не может из него выйти, как ты сам, наверное, уже понял.

Бурсак кивнул.

– Почему не сбежал, когда проведал об этом? – спросил Хома. Он почувствовал дурноту и улегся на живот.

– А я не могу,– признался шинкарь.– Мне нельзя отойти от шинка дальше чем на триста шагов.

– Вот оно что,– слушая его, Хома устало закрыл глаза.– А извести тварь не пробовал?

– Да ты что?! – испугался хозяин.– Все знают, что злыдня не извести ни огнем, ни мечом! Чем больше сопротивляешься, тем скорее он сгубит тебя.

Бурсак недоверчиво взглянул на Горивита.

– Вот те крест! – шинкарь перекрестился.– Мне еще моя бабка рассказывала, когда припоминала несчастья, которые в ее времена творила нечисть.

– Тьфу ты! – Хома сплюнул.– И этот про какую-то нечисть!

– А что же это, по-твоему? – с обидой спросил Горивит.

Вспомнив чудище и то, как он вместе с ним перенесся в странное место, Хома задумчиво замолчал.

А вот шинкарь, начав жаловаться, уже не мог остановиться:

– То-то же! – замахал он указательным пальцем, приняв Хомино молчание за согласие.– У меня уже и половины моего здоровья нету! Все, как говорила мне бабка! Тварь эта редкая всю душу мне выпила! – Горивит приложил руку к голой груди, явно собираясь разрыдаться.

– А где же твоя жинка? – удивился Хома.– Ты же говорил, у тебя есть семья?

Горивит горько улыбнулся.

– Узнав про злыдня, жинка забрала детей да и ушла. Их тварь не держала. Оставили они меня одного,– шинкарь повесил голову, из глаз по щекам покатились крупные слезы, оставляя на грязном лице борозды.– Я ее не виню,– вытирая нос, признался шинкарь.– Кому хочется помирать…

– Да уж,– парень взглянул на шинкаря с сочувствием.– Худо твое дело.

Горивит всхлипнул.

– Да какое дело? Остается только умереть,– шинкарь отвернулся и наконец громко заревел.

– Погоди умирать,– взяв саблю, Хома оперся шинкарю на плечо и тяжело поднялся. Стараясь привыкнуть к невыносимой боли, которая сопровождала каждое его движение, он медленно поплелся в сторону шинка.

– Что ты собрался делать?! – испуганно вскрикнул Горивит.

– Покончить с этим,– повернувшись, решительно ответил бурсак.

– Стой! – мужик бросился за ним, вмиг догнал, но побоялся остановить или прикоснуться к израненному телу.– Не губи себя! Ты еще совсем молодой! Подлечишь спину свою, и все забудется!

– Угу,– Хома угрюмо обогнул его.

– Да что ты задумал?! – взвизгнул Горивит, обегая его вокруг и опасливо косясь на шинок.– Злыдня не извести ни огнем, ни мечом. Погубишь и меня и себя! Твоя сабля тут не поможет! – набравшись храбрости, тощий шинкарь встал перед Хомой, заслоняя путь.

– Уйди,– бурсак пригрозил ему саблей.– За тобой теперь должок.

У Хомы было такое разгневанное лицо, что шинкарь испуганно отступил.

Подойдя к самому шинку, парень вынул из кармана кремень, кресало и с полминуты задумчиво глядел на них.

В дверях показалось существо. Оно молча следило за ним своими больными глазами, не шевелясь и не издавая ни звука.

Завидев злыдня, Горивит вскрикнул и испуганно отошел на несколько шагов.

Хома чиркнул кремень и, глядя чудищу прямо в глаза, протянул руку к соломенной крыше шинка. Принимая огонь, солома затлела, сгибаясь. Затем ярко вспыхнула, озарив кровавое лицо парня ярким светом.

Обходя шинок по кругу, Хома поджигал крышу со всех сторон.

Злыдень спокойно наблюдал за ним, тараща порченные бельмом глазища.

Бурсак снял с крыши солому и осторожно всунул ее в щель в стене шинка, рядом со злыднем.

Чудище издало горловой рык и обиженно скрылось из виду. Яркая вспышка озарила ночь. Соломенная крыша мгновенно загорелась. Огонь перекинулся на деревянные стены. Вначале неуверенно и осторожно тронул их, но вскоре начал пожирать их жадно, ненасытно. Шинок заскрипел, застонал и провис. Хлипкие стены раскалились и покраснели, превращаясь в обугленные головешки.

– Что ты наделал?! – запоздало вскрикнул шинкарь и схватился за грязные волосы.– Как же это?! – причитал он и отворачивался, чтобы не видеть, как горит его шинок.– Что же ты натворил? – не веря, шептал он.– Что же ты…

Глядя, как пылает унылая, мрачная хибара, Хома почувствовал ликование. Широко распахнув глаза, наблюдал он, как пламя поглощает шинок. Слышал, как что-то лопается внутри, с легкой грустью понимая, что это наверняка была бочка горилки. Еще одна. И еще. Огонь разгорался сильнее, оплавляя хлипкие стены. Вот обуглилась дверь, и расплавленный засов упал на землю. Правое крыло хибары издало тяжелый вздох и просело.

Хома слышал только гудение огня, очень красивого на фоне едва зарождающейся зари. И думал о том, что, даже если очень постараться, шинок все равно уже не потушить. Упиваясь восхитительной, завораживающей картиной, парень медленно обернулся на горюющего хозяина. Горивит больше не причитал. Он глядел на пламя, трясущийся, бледный и жалкий.

Вдруг, схватившись за горло, шинкарь начал задыхаться, закатил глаза и рухнул на землю.

Глава IV

Амулет

Долго тряс Хома Горивита за плечо, но шинкарь так и лежал, широко разбросав худые руки, не шевелясь и не подавая признаков жизни.

Вдалеке на безоблачном небе разгорался рассвет. Порхая с ветки на ветку, щебетали птицы, увлеченные своими заботами, в траве деловито ползали муравьи и жуки. Промозглый ветер притих. По всему казалось, что погода будет чудесная.

Но радости от наступления нового дня у Хомы не было. Далекое слабое солнце не согревало бурсака, который сидел недалеко от тлеющего пепелища в мокрой от крови и пота рубахе. Да и сырые ноги не давали ему согреться, а снять сапоги

парень не нашел нужным. Глядя в одну точку, Хома долго сидел на земле возле шинкаря и весь дрожал. Дрожал не только от холода, чудовищной боли в спине и навязчивого голода. Он дрожал от бескрайнего отчаяния, охватившего его.

– Он просто заснул, просто… заснул,– Хома изредка заглядывал в лицо шинкаря, как бы вдруг вспоминая, что он все еще здесь, и ритмично покачивался туда-сюда, обхватив руками плечи. При каждом движении спина бурсака отдавала жуткой болью, но он словно не чувствовал ее, пребывая в оцепенении. – Ну, испереживался. С кем не бывает?! – бормотал он.– Сейчас очнется и дальше побежит опрокидывать чарки! – Хома болезненно хохотнул и с ужасом снова поглядел на шинкаря.

На застывшем лице Горивита играла почти детская улыбка. Казалось, он был наконец-то счастлив.

– Не о таком, не о таком счастье он мечтал! – Хома до боли закусил губу.– Это я… это я во всем виноват! Ну, ничего, ничего,– словно в забвении шептал бурсак.– Сейчас полежит, отдохнет… – он похлопал шинкаря по щеке. Она была еще теплая, покрытая причудливыми узорами от высохших слез.

Хома не знал, сколько времени прошло. Может, полчаса, а может, и час. Но яркое солнце высоко поднялось на небосводе, осушив росу, тронув веки Горивита с его длинными слипшимися ресницами и заставляя парня почувствовать жажду в пересохшем горле.

В ушах его до сих пор звучали шум пожара и плаксивые мольбы Горивита. Он с отвращением припомнил свое непонятное ликование, которое охватило его, когда он поджигал шинок. Теперь на его месте поднимались лишь струйки жирного едкого дыма, а рядом лежал неподвижный хозяин.

Хома устало сидел возле тела и чего-то ждал. Ожидание казалось ему бесконечным.

Страшное чувство вины мучило его, жгло огнем изнутри. Эта боль была даже сильнее, чем боль от ран. Глядя на шинкаря, такого слабого и беззащитного, Хома никак не мог поверить, что он убил человека. Не нарочно, но убил.

«Конечно, смерть случается,– рассуждал Хома.– Когда мои родители умерли, я был еще мал и даже не видел их тел. Мне просто сообщили об их гибели. А потом появилась Варвара»,– парень припомнил серое, сухое, всегда серьезное лицо, лишенное любых эмоций, кроме раздражения и гнева. Странным образом он начал забывать ее черты, даже не мог припомнить, сколько ей лет. Хотя тогда ему казалось, что очень много. Но дети часто так думают про всех, кто хоть мало-мальски старше их.

– Я всегда был несносным ребенком,– погруженный в свои воспоминания, с горечью бормотал Хома.– Нельзя осуждать Варвару, что она в конце концов не выдержала, прогнала Бубна да сдала меня в приют, – бурсак поежился.– Потом семинария… – Хома ворошил в голове далекие воспоминания, нагрянувшие так внезапно. Ему казалось крайне важным припомнить, видел ли он когда-либо смерть собственными глазами.

На ум пришла одна особенно снежная, долгая и промозглая зима, когда плесневелые стены бурсы почти не протапливались. Бурсаки тогда умирали без счету. Каждое утро кто-то не просыпался. Не сильно утруждаясь, парней отпевали всех вместе. И, завернув в одеяла, старшие уносили их тела, но куда, Хома не знал.

– Смерть случается,– упрямо повторял парень. – Она всегда неприятна и горька. Но одно дело – смерть от голода или болезни. Другое дело – убийство. Невольное убийство. А ведь Горивит предупреждал меня… – глотая навернувшиеся слезы, шептал Хома.– А я, дурак, не послушал. Решил поступить по-своему. Да лучше б меня зверь разодрал…

Утерев нос, Хома с трудом встал, морщась от боли. – Нужно похоронить его,– с болью оглядев Горивита, решил он.– Похоронить по всем правилам, чего бы мне это ни стоило.

Крякнув, бурсак согнулся пополам и взял его за грязные сапоги, намереваясь оттащить в сторону. Едва начавшие затягиваться раны на спине брызнули, отдавая огненной болью.

Горивит был совсем нетяжелым, но Хомины руки после страшной бессонной ночи дрожали. Голова кружилась.

Не обращая внимания, парень упрямо волочил по земле тело, обмякшее, как тряпичная кукла, бессильное и теперь уже на все согласное. Голова шинкаря безвольно болталась, тощие ребра блестели на солнце.

Слезы градом катились по Хоминым щекам, но он их словно не замечал и только шептал:

– Лучше б меня зверь задрал… лучше…

Путем неимоверных усилий он оттащил тело шинкаря на несколько шагов, постоянно останавливаясь, чтобы отдохнуть, и вновь принимаясь за работу.

Налетел ветер. Пепел с золою заплясали по пепелищу, таинственным образом складываясь в смутный силуэт. Силуэт уплотнялся, принимая очертания человека. Постепенно из него соткался уставший сгорбленный мужчина, босой, в жилетке и штанах, с огромными бездонными глазами и длинными аккуратными пальцами. Тот самый, которого видел Хома посреди серого нечто. Тот самый, который затем вновь обратился в злыдня.

Лицо мужчины больше не было грустным. Весело рассмеявшись, он огляделся вокруг и помахал парню рукой.

Расслышав смех, бурсак едва не проглотил язык, от страха и неожиданности выронив ноги Горивита.

– Подойди,– не открывая рта, сказал мужчина. Не решаясь ослушаться, Хома робко ступил на пепелище, безотрывно глядя ему в глаза, не кошачьи, как были у злыдня, но все же неестественно огромные.

Взмахнув ресницами, мужчина удивленно спросил:

– Куда ты тащишь этого человека?

Хома захлопал ртом как рыба, не произнося ни звука. Тогда мужчина повторил свой вопрос медленнее, решив, что парень не разобрал его слов.

– Я… я хочу похоронить его,– испуганно прошептал Хома, переминаясь с ноги на ногу.– Как положено.

– Вот как? – удивился мужчина одними глазами. Его рот по-прежнему был закрыт, словно зашит невидимыми нитками.– Знаешь ли ты, что этот человек желал твоей смерти? – без тени улыбки спросил он.

Хома потупился в землю:

– Знаю.

– И ты все равно считаешь, что он заслуживает того, чтобы его похоронили? – спросил мужчина.

– Я считаю, что он заслуживал того, чтобы никогда не встречаться со мною,– теребя веревку на поясе, прошептал Хома.– Чтобы жить,– с горечью прибавил он.

Мужчина задумчиво поглядел на него, ничего не сказав. Хома первый прервал молчание, осмелившись заговорить:

– Кто ты? Ты… тот самый злыдень?

Мужчина поморщился:

– Я был им поневоле. Но ты освободил меня от страшного проклятия. Дал мне возможность не жить больше как поганый паразит.

– Ах, вот как,– опечалился бурсак и с болью обернулся на тело Горивита.

– Ты освободил нас обоих,– прибавил мужчина. Но парень только горько усмехнулся.

Мужчина с презрением и одновременно с нескрываемым ликованием осмотрел пепелище.

– Долгие годы провел я в этом шинке, в надежде, что кто-то освободит меня. Но его хозяева были слишком тупы и жадны, чтобы желать этого. С каждым новым годом они только злили меня все сильнее. Спасибо тебе,– мужчина низко поклонился Хоме.

Бурсак стоял, разинув рот.

– Ты – необычный человек,– загадочно прибавил мужчина, разглядывая его.– Впрочем, ты еще ничего о себе не знаешь.

Насупившись, Хома молчал.

– Ты ненавидишь смерть,– слова мужчины эхом звучали в его ушах.– Но она повсюду тянется за тобою, находит тебя.

– Нет, нет,– сняв шапку, парень уткнулся в нее, подавив рыдания и замотав головою.

Мужчина сочувственно посмотрел на него.

– Хочешь ты того или нет, но впереди тебя ждет еще много смертей,– он помолчал.– Тебе придется быть сильным, беспощадным.

Уронив шапку в пепел, Хома стоял, обессиленно опустив руки и повесив голову. Ему не хотелось слушать мужчину, не хотелось верить его словам.

Шевельнувшись, мужчина сделал медленный шаг, ступая по руинам босыми ногами. Когда ему попадались угли и стекла, мужчина даже не морщился, никак не показывая, что чувствует боль. Его ноги при этом оставались чистыми, как будто он вовсе не шел по золе.

Выйдя на лужайку, он улыбнулся солнцу, пошевелил пальцами ног, воображая, что трава щекочет ему пятки.

– Какие приятные, должно быть, ощущения,– он взглянул на Хому, который не сдвинулся с места.

– Я хочу помочь тебе, поэтому подарю тебе амулет,– промолвил мужчина и поднял с земли камешек. Зажмурившись, он дунул на него.

Камень вспыхнул в его ладонях ярким зеленым светом. Сорвав с жилетки нитку, мужчина что-то прошептал, и она стала кожаным ремешком. Нацепив камешек на ремешок, мужчина медленно и грациозно подошел к Хоме: «На, возьми».

Хома хотел отпрянуть, но потом неуверенно протянул руку. Камень оказался неожиданно тяжелым и холодным. Взяв его, парень ощутил странные покалывания по всему телу. Словно сотни маленьких пузырьков разом лопнули у него внутри. Он испуганно ощупал гладкие края амулета. Камень переливался на солнце, иногда неожиданно становясь сине-голубым.

Мужчина обернулся на тело Горивита.

– Считаешь, этот человек достоин того, чтобы никогда тебя не встречать? – задумчиво повторил он Хомины слова.

Сжимая амулет, бурсак угрюмо кивнул.

– Но ведь тогда он не почувствует благодарности,– удивился мужчина.– И твой смелый поступок останется незамеченным.

Хома молча глядел на мужчину, не понимая, о каком смелом поступке тот говорит.

– Хорошо,– мужчина кивнул и поглядел в синее небо.– Всегда носи амулет на шее и не снимай,– прибавил он.– Со временем ты станешь не таким чувствительным и ранимым,– он улыбнулся.– Амулет защитит тебя от зла.

Бурсак с удивлением уставился на камень, не решаясь надеть его на шею. Мужчина казался ему добрым, но парень отлично помнил, как тот издевался над Горивитом и разодрал ему самому спину, едва не растерзав насмерть. Не зная, можно ли доверять мужчине и не понимая его слов, Хома глубоко погрузился в свои мысли.

Наконец он решился спросить:

– Но от чего меня может защитить этот камень? Про какое зло вы говорите?

Не дождавшись ответа, бурсак поднял глаза. Мужчины перед ним не было, только сухой воздух слегка подрагивал впереди.

– Свят, свят, свят! – Хома три раза перекрестился.

– Хто здесь? – вдруг застонал шинкарь и, схватившись за голову, медленно сел. Спрятав амулет в карман, Хома подбежал к Горивиту.

– Что произошло? – ошалело моргая, спросил шинкарь.

Парень замялся, не зная, что ответить. И наконец произнес:

– Шинок загорелся.

– Это как же?! – начал было Горивит, но, осекшись, захлопнул рот.– А где же?..– Шинкарь в ужасе обернулся, испуганно ожидая нападения злыдня.

– Ты чего? – простодушно улыбнулся Хома.– Радуйся, ты свободен.

– Чему ж радоваться-то? – Горивит в отчаянии оглядел пепелище, оставшееся от его шинка, и застонал: – Все мои деньги!

Вскочив, он оббежал пепелище по кругу, проверяя, не уцелело ли чего. Но вокруг были только угли, пепел и зола. Замерев, шинкарь спросил:

– Слушай, а это случайно не ты его поджег? Ты вообще кто?

Хома смущенно потупился:

– Нет, не я.– И, отвернувшись, собрался уходить прочь.

Заметив истерзанную спину парня, шинкарь завопил:

– Пресвятая Богородица! Это что ж с твоею спиною, хлопец?!

– Поранился, пока вытаскивал тебя,– не оборачиваясь, буркнул Хома и, отыскав шапку среди золы, нахлобучил ее на голову.

Шинкарь бросился к нему и недоверчиво заглянул в глаза:

– Так это что получается? Ты что, меня спас?!

– Да,– Хома угрюмо кивнул.

– Так это за мной теперь должок? – не унимался шинкарь, пытаясь хоть что-то припомнить, и вдруг рассеянно похлопал себя по голому пузу: – А где, интересно, моя рубаха?

Хома ткнул пальцем в ту сторону, где лежала грязная рубаха Горивита. Шинкарь благодарно кивнул и помчался за нею.

Набросив ее, он радостно хохотнул.

– Ни черта не помню! А знаешь что?! – Шинкарь подпрыгивал, чтобы поравняться с Хомой.– С твоей спиной совсем худо.

Продолжая идти, бурсак ничего не отвечал.

– Мне тебе помочь нечем, но примерно в десяти верстах ходьбы отседова есть хутор,– продолжал Горивит.– В старой мазанке, слева от колодца, живет одна баба. У нее на калитке висят три перевернутые подковы. Добрая она, Дунькой зовут,– с теплой улыбкой прибавил шинкарь.– Не вздумай обидеть, слышишь?! – глядя на Хому, Горивит смягчился.– Вижу я, хлопец ты добрый. Он схватил бурсака за рукав, замедлив его ход.– Слушай сюда! У бабы этой двое детишек еще. Скажешь, Горивит просил помочь, все для тебя сделает!

– А как же ты сам? – удивился Хома, догадавшись, что шинкарь говорит о своей семье, которая хоть и сбежала от него, видимо, присылала вести, иногда проведывая.– Не пойдешь со мной?

– Нет,– отмахнулся Горивит, еще раз оглядев пепелище.– Я в таком виде к жинке не вернусь. Вот когда грошей заработаю,– шинкарь мечтательно заулыбался.– Тогда и вернусь паном. Ты только не говори, что шинок сгорел! То-то она будет рада, когда я ворочусь! – Горивит заулыбался как ребенок.– Дочерей обниму…

– Ну, дело твое,– глядя на его радостное лицо, парень тоже улыбнулся.– Только как же ты их заработаешь?

– Да как угодно! – фыркнул шинкарь.– Сила есть, здоровье есть! Возьмусь за самую грязную работу, али рук у меня нету?! Но без гостинцев никак не вернусь! – отрезал шинкарь и отпустил Хомин рукав. – Ну, бывай, добрый человек! Что ли, поцелуемся? – Хома наклонился, подставляя щеки.

Утерев усы, Горивит бодро развернулся, направляясь на шлях.

– Скажи только, как зовут тебя? За кого в церкви свечу ставить?

– Я – Хома Брут,– улыбнулся бурсак.– А свечу ставь за доброго человека с большими глазами. Запомнишь?

– Запомню,– пообещал Горивит и, поклонившись, пошел прочь.

Глава V

Спасение

Хома уныло брел по пыльному безлюдному шляху. Вокруг, сколько хватало глаз, простиралась степь.

Лишь обломки бричек да всякий мусор, оставленный проходящими, напоминал, что шляхом пользовались люди.

Раскаленное солнце слепило, огромный яркий диск беспощадно иссушал все вокруг. Хлипкая сабля, болтавшаяся на поясе путника и изредка глухо

позвякивавшая, ранее казавшаяся ему совсем легкой, сейчас камнем тянула к земле. Ужасные раны на спине начали затягиваться противной зудящей коркой, лопающейся при каждом неловком движении кровавыми брызгами. На раны то и дело садились жирные мухи и оводы, доставляя Хоме жуткое беспокойство, но бурсак был так слаб, что уже не мог их отгонять.

Мучимый жаждой и чудовищной усталостью, он брел медленно, как упрямый вол, в направлении, которое указал ему Горивит. Парень надеялся, что жинка шинкаря и вправду окажется доброй бабой и залечит его раны. На кондицию ему было как раз по пути, но, не зайдя к ней, Хома боялся просто не дойти.

Впереди показалась полоса пожухлых полей, разоренных птицами и иссушенных зноем. Где-то далеко на пашне виднелись крепкие мужики, голые по пояс, ловко орудующие граблями да мотыгами. Приметив их, путник обрадовался, ведь это означало, что хутор совсем близко. Шлях круто завернул, и впереди показалось небольшое аккуратное село. Тотчас послышался лай собак, которые тут же налетели на парня откуда ни возьмись. Прихрамывая в мокрых сапогах, Хома сторонился от своры, ища воспаленными глазами колодец. Свора кружила, сопровождая бурсака грозным лаем и норовя ухватить его за ногу, но не решаясь подступиться. Все вместе они наделали столько шума, сколько, должно быть, не доводилось наделать в этом маленьком селе и заезжим лирникам.

Смущенно оглядевшись, бурсак понял, что привлекает пристальное внимание не только собак. Его расцарапанные плечи и подтеки крови на рубахе до смерти напугали местных. Кто-то тайком выглядывал из-за угла. Многие останавливались с раскрытыми ртами, но, поглядев на недоброе Хомино лицо, опускали глаза и спешили прочь. Завидев истерзанную спину бурсака, детишки принимались плакать, а бабы креститься, поспешно закрывая двери и ставни. Казалось, даже рогатый скот разбегается перед ним.

Наконец собачьей своре надоело преследовать несчастного бурсака, и она постепенно рассеялась. Село стало безлюдно.

Парень наконец радостно приметил впереди деревянный колодец. Слева от колодца, в низинке, стояла старая покосившаяся мазанка, именно такая, какую описывал шинкарь. Спустившись с пригорка, Хома отворил калитку с тремя перевернутыми подковами и ступил на двор.

С крыльца испуганно забрехала древняя больная собака, слабо грозясь подняться и задать гостю трепку, как, должно быть, было в лучшие годы ее жизни, которые безвозвратно канули в Лету. Но, неуверенно глянув на Хому, псина заскулила и, поджав хвост, скрылась за сараем.

Аккуратно перешагнув корыто, валяющееся в траве, Хома взошел на крыльцо. Не успел он поднять слабую руку, чтобы постучать, как дверь перед ним распахнулась. На пороге появилась румяная пузатая баба с косой, перекинутой через плечо, в простой яркой юбке, рубахе и в лаптях. Вытерев со щеки муку, она встревоженно поглядела на незнакомца:

– Чего?

Хома с досадой уставился на ее брюхо, решив, что ошибся хатой. Баба была на вид почти на сносях, седьмой или восьмой месяц.

За ее спиною раздались детские голоса, и сразу четыре маленькие ладошки обхватили ее за талию, выглядывая сбоку, чтобы разглядеть, кто пришел.

– Быстро в хату! – шикнула на них баба, и ладошки разом пропали. Послышался веселый визг и топот удаляющихся ножек.

Баба раздраженно поглядела на Хому, ожидая ответа.

– Я от Горивита,– смущенно и неуверенно произнес бурсак и стянул с головы шапку.

Лицо бабы перекосилось, она замахала на Хому руками:

– Не знаем мы таких! Уходите! Сейчас мой муж вернется с поля!

Парень не сдвинулся с места.

– Я точно вам говорю! – Она нахмурилась и начала прикрывать дверь, увидев, что Хома не спешит уходить. Еще и прикрикнула в узкую щель: – Он натолчет вам бока, если только узнает, что вы здесь были!

Послышался тоненький голосок.

– Мама, пан что, говорит про батька? – выглянула веснушчатая кудрявая девочка и уставилась на Хому ясными карими глазами. Глазами Горивита.– Ой, у пана вся спина в крови,– девочка испугалась и зажмурилась.

Баба вздохнула, растерянно поглядела на дочь, медленно перевела взгляд на Хому и его саблю. Затащив девочку внутрь, она закрыла дверь.

В отчаянии, Хома почувствовал, что крыльцо под ним закачалось. Прислонившись к стене мазанки, он грузно опал, оставив на стене хаты кровавые следы.

Вдруг дверь отворилась, и строгим голосом баба сказала девочке:

– Сиди тут, я скоро приду!

Девочка послушно кивнула и, обняв мать, скрылась за дверью.

Прикрыв за собой дверь, баба взглянула на упавшего бурсака, покачала головою и, подхватив под мышки, кряхтя, поволокла его за хату на задний двор. Там, бережно уложив его на мягкую траву лицом вниз, она осторожно сняла зипун, разорвала рубаху, пальцами осторожно отдирая те куски ткани, что прилипли особенно крепко. Ее движения были легки и бережны, но Хома все равно вскрикивал при каждом прикосновении.

Удалив рубаху, баба принесла ведро воды. И, смочив тряпицу, стала осторожно промывать раны. Тут Хома по-настоящему завыл.

Когда дошла очередь до живота, парень смущенно убрал ее руку, решив, что вымоется сам.

Баба лукаво улыбнулась, послушно присела рядом на траву и, скрестив ноги, стала штопать зипун. Работа спорилась у нее хорошо. И хоть зипун был весь издырявлен, закончила она шитье даже быстрее, чем Хома успел вымыться. Похлопав себя по большому животу и глядя, как парень, Хома, болезненно вздрагивая, стягивает сапоги, она спросила:

– Это чудище вас так?

Бурсак кивнул. Баба с болью закусила губу, не решаясь больше расспрашивать. Пока он умывался, она сбегала в хату.

Крепко перевязав бурсака, она подала ему новую рубаху, значительно больше нужного по размеру, да крепкий дорожный мешок.

Хома принял все с благодарностью, но не спешил одеваться, в надежде, что баба догадается накормить его.

Баба оказалась не только доброй, но и догадливой. Снова тяжело поднявшись, она ушла, покачиваясь из стороны в сторону, как уточка, и вернулась с кувшином сивухи и миской тушеной капусты.

Хома не любил тушеную капусту. Но с голоду набросился на нее, наворачивая за обе щеки. Услышав смешок, Хома заметил, что из узкого окна мазанки за ними наблюдают две конопатые девочки.

Поймав его взгляд, шинкарка сердито замахала руками, и девочки исчезли. Помолчав, она холодно спросила, отвернувшись в сторону:

– Как он там?

– Хто? – набив полный рот так, что стекало по усам, Хома непонимающе поглядел на нее.

Баба с досадой сорвала одуванчик и, отбросив в сторону, замолчала.

– А-а-а, Горивит?! – наконец догадался гость.

Шинкарка поморщилась, словно уже само это имя вызывало у нее слишком неприятные воспоминания.

– Он хорошо,– обтерев рот, успокоил ее Хома. И, отложив миску, многозначительно прибавил: – Собирается заработать грошей да вернуться к семье.

Щеки бабы вспыхнули. Она резво вскочила, выхватив из рук гостя кувшин с сивухой, и поглядела на него так, будто бы он был виноват во всех ее бедах разом.

– Скоро с поля вернется мой муж,– надменно вздернув нос, процедила она.– Тебе пора.

Хома смутился, с трудом натянул сапоги. Медленно поднявшись, отметил про себя, что перевязанная спина болела гораздо меньше. Нацепив рубаху и починенный зипун, он сердечно поблагодарил хозяйку, едва успев выкрикнуть слова благодарности ей в спину,– так быстро она удалилась. И, обогнув мазанку, вышел к калитке.

Возле сарая, проснувшись, снова забрехала старая собака. Обернувшись, Хома увидел, как пузатая зареванная баба обнимает на крыльце чудесных кудрявых девочек и с грустью и тревогой глядит ему вслед.

Долго ли, коротко ли он шел, но снова стало смеркаться, а до места назначения путь был еще неблизкий.

Перевязанная спина, покрытая соленым потом, снова начала жечь, да так, что хотелось сорвать повязки и ногтями чесаться до самой крови. Удивленный, что раны так долго его беспокоят, Хома терпеливо шел, но зуд становился все сильнее, пока ему не начало казаться, что вся его спина полыхает огнем. Хома тяжело дышал, медленно переставляя ноги, стараясь уберечь свои натертые пятки.

Широкий шлях давно закончился, превратившись в узкую тропу, по бокам заросшую камышами.

Впереди показалось небольшое озерцо. Скинув дорожный мешок (сивухи уже совсем не осталось, а к вяленому мясу, заботливо собранному в дорогу шинкаркой, бурсак так и не прикоснулся, решив оставить на потом, а потом почувствовал себя худо. Упав на колени возле озерца, он зачерпывал воду ладошками и долго жадно пил. Умыв уставшее с дороги лицо, он развернул мешок, намереваясь наконец испробовать мяса.

Вдруг раздался пронзительный птичий крик, и на соседний камень присел ястреб. Изредка поглядывая на Хому, ястреб принялся чистить серо-бурое оперение коротким загнутым клювом.

Отложив мешок в сторону, парень залюбовался неожиданным гостем. Наклоняя голову, гордая грациозная птица наблюдала за ним желто-оранжевыми глазами. И вдруг, взмахнув мощными крыльями, с криками улетела в сумрак.

Поглядев ей вслед, бурсак сбросил одежду и неуклюже полез в озерцо, путаясь в камышах и поскальзываясь на глине.

Тотчас размокшую от воды повязку он снял, намотав на руку. Когда раны наконец перестали печь от прохладной воды, парень сел на мелководье, осматривая свои истертые ноги и слушая ночное пение цикад да лягушек.

В какой-то момент пение смолкло. Просидев несколько минут в полной удивительной тишине, которую не нарушал даже ветер, он похлопал ладошками по воде. Вдруг в отражении ему привиделось, что за ним кто-то стоит. Обернувшись, он никого не заметил. Тогда парень снова залюбовался озером, краем глаза поглядывая на то, что происходит за его спиной.

На мгновение в воде снова отразилась улыбающаяся прекрасная дева. Вскочив, Хома стыдливо прикрыл наготу. Никого. Решив, что он просто устал, бурсак пробормотал, удивленно оборотившись к озеру и разглядывая его спокойную гладь:

– Откуда ж ей взяться-то здесь?

Покачав головою, Хома потянулся за одеждой и тут же завопил:

– Что за черт? Только что была здесь!

На песке лежала сабля, сапоги да шаровары. Мешка, зипуна и рубахи не было.

Схватившись за голову, парень нервно прошел по бережку туда-сюда.

– Видать, дьявол меня путает! Что же делать?!

Неподалеку в камышах послышался всплеск воды. Оборотившись, Хома увидел бредущую деву в одной исподней. На ее голове был венок из свежих цветов, вода едва доставала ей до тонких щиколоток, на тело налипли камыши. Черные волосы были слегка взъерошены и распущены, густыми волнами спадали они по белой спине до самой воды, бархатистая кожа светилась в лунном сиянии. Сквозь намокшую ткань выпирали упругие груди. Тонкими ручками она прижимала к животу сверток с Хоминой одеждой.

– Звыняйте,– осторожно позвал Хома, стыдясь наготы и боясь напугать девицу.

Обернувшись величественно, как настоящая царица, она молчаливо нахмурила черные блестящие брови: мол, чего тебе, хлопче?

– Одежа моя… – зачарованный ее красотою и статью, проблеял Хома, чувствуя себя неотесанным бараном.

Дивчина перевела взгляд туда, куда глазами указывал бурсак. Вздрогнула, словно удивившись: «Откуда эти лохмотья в моей руке?»

На ее личике промелькнуло хитрое выражение, будто бы она только что узнала какую-то тайну, которую Хоме в жизни не разгадать. Внезапно подбросив одежду вверх, дивчина расхохоталась дивным голоском.

Дорожный мешок плюхнулся в воду. Мягко опадая, рубаха и зипун растянулись по воде. Парень с досадой поглядел на девицу.

Закинув голову, та рассмеялась, выставляя напоказ длинную шею и поблескивая жемчужными зубами.

– Издеваешься, что ли, надо мною?! – осерчал Хома и сделал шаг в сторону девицы.

Чаровница, хохоча, побежала прочь, высоко задрав исподнюю, так что стал виден бледный округлый зад.

Охнув, парень ухмыльнулся и бросился за нею. Заливаясь смехом, они бежали по воде, отражаясь в лунном свете, вспарывая озерную гладь голыми ногами. Мягкие девичьи прелести были так близко от Хомы, что он, казалось, мог разглядеть каждую капельку на ее безупречном молодом теле.

Восторженный и возбужденный, он бежал все быстрее, а дивчина все медленнее. Забежав по пояс в воду, она замерла, стоя спиной к бурсаку.

Нагнав чаровницу, Хома жарко дыхнул ей в затылок и страстно схватил за тонкое запястье. Рука оказалась скользкой и холодной. Враз окаменев, чаровница застыла.

Хома в ужасе отпрянул: на месте, которого он коснулся, остался уродливый след. Запястье дивчины стало быстро покрываться кошмарными язвами и вонючими струпьями, которые расползались по всему телу.

Парень испуганно попятился назад.

Чаровница затряслась и медленно обернула к нему лохматую голову. Вместо прекрасного лица он увидал страшный череп, обтянутый зеленоватой гнилой кожей. В пустых глазницах резвились опарыши. Кошмарная пасть перекосилась, из нее пахнуло зловонием. Шея стала такой тонкой и хрупкой, что голова закачалась на ней в разные стороны.

Девица протянула к Хоме костлявые руки и, схватив за горло, стала душить со страшной силою. Бурсак захрипел и стал оседать, чувствуя, что не в силах противиться, не в силах даже пошевелиться.

Она сжимала горло сильнее, сильнее, наклоняя Хому к воде. Чтобы не видеть ее лица, бурсак зажмурился.

Вдруг из-за деревьев вынырнул ястреб и, вскрикнув, бросился на девицу. Усевшись на гнилой череп, он принялся долбить мощным клювом, попадая в червивые глазницы. Девица отпустила Хому, замахала костьми и, издав страшный вопль, ударилась об воду, рассыпавшись на кусочки.

Вода забурлила, и она исчезла в озере без следа. Птица недолго покружила, приглядываясь к пузырям, да и улетела восвояси.

Хома глубоко вдохнул. Виски пульсировали, голова кружилась. Он почувствовал приступ тошноты. Сделав неверный шаг, бурсак покачнулся и, потеряв сознание, погрузился под воду.

Глава VI

Старик

Очнулся Хома в тепле. Его тело пребывало в приятной неге, будто бы плыло по небу, обволакиваемое нежными облаками.

Не открывая глаз, бурсак попытался припомнить, где он, но никак не мог. По ощущениям, так хорошо ему могло быть только в утробе у матери. Или в раю. Но разве и то и другое можно припомнить?

Чувства были ни с чем не сравнимы. Его переполняли радость и блаженство, никакие тревоги не могли коснуться сознания. Совершенное счастье. Эйфория.

Широко улыбнувшись, Хома замычал от восторга и вздрогнул от звука собственного голоса. Приятная нега спала. Чудовищные воспоминания разом обрушились на него: истерзанная злыднем спина, горящий шинок, тающий скелет в лунном свете на озере… Парень инстинктивно схватился за горло и распахнул глаза.

Место было ему незнакомо и походило на душный тесный шалаш, сделанный наспех из подручных средств. В воздухе витали пряные ароматы вперемешку со зловониями, раздражающими нос. На потолке и стенах – всюду – висело оружие, много оружия: над входом в шалаш тускло блестели две добротные крепкие сабли с отделанной серебром изящной рукоятью, наверняка выполненные искуснейшим кузнецом, рядом, на горе какого-то хлама из тряпок, стояло длинное резное копье, вокруг него змеею извивалась мощная цепь, изготовленная, казалось, из необычного сплава, которого раньше Хома никогда

не встречал. Также из своего угла бурсак сумел разглядеть на стене мудрено устроенную пищаль, тяжеленный меч и даже шипастый кистень (хотя Хома не был до конца уверен, что это грозное оружие называлось именно так).

«Что за странное место? – встревоженно подумал он.– Немудрено, что мне снились здесь такие дурные сны…»

В центре тесного шалаша горел костер. Над ним на распорках висел здоровенный чан с какой-то бурлящей жидкостью. Подумав, Хома решил, что такие странные ароматы разносились именно из этого чана.

У костра сидел тощий седой старик. Глаза он закатил так, что виднелись одни белки. И что-то шептал, водя руками в самой сердцевине огня.

Хома тихонько приподнялся на локтях, чтобы взглянуть, почему огонь не жалит руки старца, не принимается за его ветхие лохмотья и длинную бороду.

Вздрогнув от шороха, старик опустил руки, немного помяв их, словно остужая, и медленно положил на колени. Как будто задумавшись, он уставился на парня черными глазами с оранжевой радужкой. И вдруг тряхнул головою, рассмеялся.

– Очнулся, пан бурсак! – Резво поднявшись, он схватил глиняную миску, стоявшую подле него, и зачерпнул из чана зеленоватую жижу. Миска задымилась, старик поспешил к Хоме:

– На вот, выпей!

При близком рассмотрении, старик показался ему добрым, хоть и пах скверно, как и весь шалаш. Хома недоверчиво заглянул в дымящуюся миску. Противный резкий запах ударил в нос, он отвернулся.

– Ну же, пей,– стоя перед ним, приветливо сказал старик.– Из тебя еще не вся вода вышла.

Хома решительно отвернулся, давая понять, что не намерен этого делать.

Старец запустил длинные пальцы себе в бороду и задумчиво сощурил глаза. Буркнув что-то вроде «извини», он сделал вид, что отходит в сторону, а сам резко схватил полулежащего бурсака за подбородок, насильно открыл ему рот и, повалив на землю, стал вливать мерзкий, обжигающий губы отвар.

Задыхаясь от кипятка и возмущения, Хома замахал руками, но старик не обращал на это никакого внимания, легко удерживая его на месте. Для своих лет он оказался удивительно сильным. Или это Хома все еще был настолько слаб? Голова у него закружилась. Он почувствовал, что от смрада и мерзкого вкуса жижи его вот-вот стошнит. Отпустив его, старик ловко отскочил в сторону. В ту же секунду Хому смачно вырвало на пол шалаша тем, что он выпил, вперемешку с озерною водою.

– Вот. Теперь, кажется, все,– старик довольно ухмыльнулся и сел обратно к костру.

Был он невероятно худ и костляв, сухие коленки обтягивала тонкая кожа, ногти на руках и ногах были черны. Но по тому, как пружинисто он двигался, было видно, что он все еще силен, и, возможно, в чем-то даже даст фору прохворавшему Хоме.

Закончив изливаться, парень слабо прошептал:

– Откуда…

– Откуда я знаю, что из тебя еще не вся вода вышла? – покачиваясь у огня, продолжил старик.– Видишь ли, я кое-что понимаю в человеческом организме. Могу излечить даже смертельные болезни. А это так, глупости,– старик расхохотался и, схватив стоявшую возле огня корзину, начал перебирать сушеные травы, раскладывая их по маленьким баночкам.

На мгновение парню показалось, что старик совершенно безумен. Снова срыгнув, Хома замотал головою.

– Бр-р-р, откуда… – вяло начал он, но не сумел закончить.

– Ну что еще? – не желая отвлекаться, с досадой крякнул старик.– Откуда я знаю, что ты бурсак? Тем более философ? – не дожидаясь ответа, он продолжил: – Да чтобы это узнать, мудрости не надобно. К тому же, ты так голосил во сне, что, боюсь, я знаю даже больше, чем мне бы хотелось.

Смутившись, Хома вытер усы и оглядел стены шалаша.

– А-а-а,– догадался старик.– Тебя наверняка интересует, откуда у меня столько оружия? – Он пожевал губу, украдкой вглядываясь в Хомино лицо и словно размышляя, стоит ли делиться с ним секретом.– Ну, это не твое дело, братец,– видимо решив, что не стоит, хохотнул старик.– Одно только скажу: то оружие, что ты видишь здесь, больше не найти нигде. Его ковали для меня лучшие кузнецы или утратили в бою лучшие воины.

Похвастaвшись, старик с гордостью расправил плечи и оглядел стены шалаша. Хома сердито отвернулся от него.

Вдруг старик расхохотался:

– Ты считаешь, что я старый баран?!

Парень удивленно оглянулся. Старик схватился за живот:

– Думаешь, что давно бы продал это барахло и жил безбедно?

Старик зашелся таким лающим смехом, что Хоме показалось, будто он вот-вот задохнется. Наконец утерев слезы, старик шутливо пригрозил ему пальцем:

– А ты шутник! Считаешь, что умнее меня только потому, что я сижу в шалаше и вожусь с травами?!

Хома изумленно выпучил глаза:

– Кто ты?

Старик враз посерьезнел и снова уткнулся в корзину:

– Ясное дело, характерник.

– Да ну! – испугался Хома.

Пристально разглядывая сушеный цветок, старик ухмыльнулся:

– Не веришь? А ты разве не почувствовал это на себе?

Не понимая, о чем говорит старик, Хома ничего не ответил.

Забраковав очередной цветок, старик отбросил его в сторону и загадочно продолжил:

– Понравился ли тебе сон, пан бурсак? Разумеется, до тех самых пор, пока в него не вмешались твои неприятные воспоминания?

Разволновавшись, Хома откинулся на постели и стал припоминать, что слышал о характерниках. «Ведуны, владеющие магией исцеления, гипнозом… Да чего только о них ни брехали! Мол, один такой ведун мог даже менять погоду, как ему вздумается! Но это же все враки! – рассуждал он.– Так же как россказни про нечисть…»

Но, припомнив злыдня и девицу на озере, парень засомневался в том, что понимал хоть что-то в этом мире.

– Как твоя спина? – прервав его мысли, поинтересовался старик.

Хома так и подпрыгнул на постели: «И правда! Куда подевалась жгучая боль?!»

Задрав рубаху – «Откуда рубаха?» – он изумленно ощупал спину. От рваных ран остались лишь грубые борозды шрамов. Ни капельки крови. Никакой боли.

– Да как же это? – Хома изумленно открыл рот. – Вы что… и вправду?

Характерник крякнул и отложил корзину с цветами:

– Ты лучше скажи мне, как давно к тебе являются чаровницы, вроде той, на озере?

«И это знает,– решив, что сходит с ума, испугался Хома.– Неужели я и об этом во сне проболтался?!»

– Да я ж ведь тогда утонул! – в ужасе хватившись за голову, воскликнул бурсак.

– Утонул,– старик кивнул.– А ты бы предпочел, чтобы она тебя задушила?

– Нет, конечно! – не зная, что и думать, пробормотал Хома.– Но откуда ты все знаешь?! На озере никого не было! Я… я думал, это мои фантазии! – смущенно пролепетал бурсак.– Она… она же потом рассыпалась?

Старик принялся перебирать связку чего-то странного, похожего с виду на засушенные крысиные хвосты.

– Одно могу сказать, хорошенькие девчата ины действуют на тебя скверно. Надо ж, даже не удивился, что она одна посреди ночи в лесу! Что, впрочем, немудрено в твоем возрасте,– задумчиво прибавил он. – Если бы я вчера не вытащил тебя со дна озера, ты уже был бы мертв.

Слушая старика, Хома с трудом сглотнул:

– Проклятая девка, нечистая!

– Не ругайся,– характерник поморщился.– Признаться, не она, так зараженные раны на спине прикончили бы тебя. Сначала тебя бы парализовало, – спокойно вел дальше старик, словно рассуждал о погоде.– Потом ты, скорее всего, сошел бы с ума. А в конце умер бы мучительной смертью еще до того, как голод или дикие звери настигли бы тебя.

Хома с ужасом взглянул на характерника:

– Спасибо, что спасли мне жизнь!

Старик кивнул и с любопытством поинтересовался:

– Кто мог оставить тебе эти раны? Давно я такого не встречал.

Припоминая события прошедших дней, Хома заговорил, и его словно прорвало. Вскакивая от возбуждения, он рассказал старику, как в старом шинке на него напало нечто, что до этого было всего лишь уродливым горбатым котом. Как шинкарь хотел подставить его и передать ему злыдня, как Хома чудом спасся и поджег шинок, освободив Горивита и это странное чудище. Как вдруг Горивит упал замертво, а злыдень больше не пытался убить Хому и, приняв человеческую форму, заговорил с ним на понятном языке. И как в благодарность он передал бурсаку какой-то амулет.

Характерник внимательно слушал Хому, не перебивая. Местами его темные глаза с оранжевой радужкой вспыхивали то удивлением, то яростью. Когда парень закончил свой рассказ, старик задумчиво сказал:

– Сегодня утром огонь подсказал мне, что я повстречал необычного гостя. Но чтобы настолько…

– О чем ты говоришь? – возмутился Хома.– Я просто нищий бурсак! Добираюсь на кондицию, да еще и не по своей воле!

– Не слыхал я за всю свою жизнь, а пожил я немало,– характерник задумчиво потрепал бороду, как-то по-новому приглядываясь к Хоме,– чтобы злыдни людям амулеты раздаривали.

– Вот те крест, не брешу! – парень трижды перекрестился.

– Полно те,– старик добродушно кивнул.– Покажешь амулет?

– Конечно! – Хома шлепнул себя по бокам, ощупывая карманы, и только тут понял, что лежит совершенно голый, не считая покрывавшей его простыни. Застыдившись, он с горечью припомнил, что часть его одежды и сабля остались на берегу озера, а часть утопила в реке жуткая дивчина-скелет.

Старик, который всего лишь мгновение назад сидел у костра, внезапно волшебным образом возник прямо перед ним:

– Это все, что я нашел.

Изумленно разинув рот, Хома принял из его рук сверток. В нем были аккуратно сложенные шаровары, начищенные сапоги и сабля.

Не было смысла спрашивать, куда подевалась остальная одежда. Бурсак догадался, что она покоится на дне озера.

Характерник молча вышел из шалаша и вернулся с новым свертком. В нем оказались сухая и вкусно пахнущая травами Хомина рубаха и зипун.

– А мешка там не было?..– начал было он, но характерник, не дослушав, отрицательно покачал головой.

– Спасибо,– натянув рубаху, Хома пошарил в карманах шаровар и наконец нащупал холодный как лед камень. Испытав облегчение, он аккуратно подцепил его за ремешок и вытащил наружу:

– Вот он!

Покачиваясь на веревочке, зеленый камень неожиданно вспыхнул голубым светом, озарив весь шалаш.

Отпрянув в сторону, характерник прикрыл глаза. Спрятавшись в углу шалаша, старик уставился на Хому так, словно увидал у себя в палатке самого черта.

– Что такое?! – испугался парень и в ужасе отбросил амулет. Упав на землю, камень потускнел, перестав светиться.

Прокашлявшись, старик осторожно вышел из своего угла и медленно подошел к амулету. Тот снова вспыхнул голубым, но уже не так ярко.

– Интересная вещица,– взяв дорожную палку, стоящую у стены, и подцепив ею амулет, характерник протянул его Хоме.– Знаешь, ты его так не бросай. И никому не показывай. Береги его,– посоветовал старик.– Это не простой камень. Лучше надень его на шею и не снимай.

Хома с сомнением поглядел на болтающийся на палке амулет, сияющий ровным голубым светом:

– Носить его на шее? Это еще зачем?

Старик нетерпеливо потряс палкой, и бурсак снял амулет. В его ладони камень снова стал зеленым. Потерев его в пальцах, Хома спрятал амулет обратно в карман.

– Для профилактики обмороков,– хохотнул старик и, попятившись к выходу, распахнул полог шалаша.– Жди здесь. Лучше не вставай, а то поранишься еще чем-нибудь,– с усмешкой прибавил он.

Через двадцать минут, которые показались Хоме вечностью, характерник вернулся с двумя зажаренными ароматными кроликами и протянул Хоме того, что покрупнее:

– На, ешь.

– Спасибо,– поблагодарил Хома и, взяв обжигающую тушку, осторожно поднялся на слабых ногах, присев к костру подле старика.

– Куда ты направляешься? – глядя, как голодный бурсак разделывается с кроликом, поинтересовался старец.

– Я же сказал, спешу на кондицию,– чавкая, парень вытер рукавом жир, стекающий с губ.– Зажиточный пан хочет обучать двоих сыновей. Обещал знатную награду.

– Слыхал я про того пана и про тот хутор,– характерник жевал неторопливо и старательно.– Как досталось тебе это учительство?

– Дык ректор меня направил,– быстренько съев все мясо, Хома жадно взглянул на кролика в руках старика и принялся обсасывать кости.

– Врешь,– подивился старец.– Это ректор Юстиниан? На вот,– он протянул Хоме остатки своего кролика.– Почему ректор выбрал именно тебя? Ты прилежный

ученик?

Хома благодарно принял угощение и зачавкал:

– Ну, честно говоря, не особливо. Я там делов натворил, ректор был на меня шибко злой… – бурсак хихикнул.– Еще вопросы странные задавал. Не понимаю, почему он вдруг меня пожалел…

– Какие вопросы? – характерник заинтересованно склонился к нему.

Хома отмахнулся.

– Да ничего интересного! Мол, владею ли я саблей,– бурсак хохотнул с полным ртом.– И всучил мне эту ржавую оглоблю…

– Да уж,– ухмыльнулся характерник.– Этим оружием разве что в носу ковырять. И то дела не будет.

– Полно,– насупился Хома и завистливо оглядел стены шалаша.– Знамо, что не как у тебя, но все же оружие. Если что, пригодится.

Характерник сделал удивленную мину:

– Пригодится, говоришь?! А что ж ты не вынул саблю там, на озере?

Хома смущенно покраснел.

– Или не разрубил злыдня пополам?! – расхохотавшись, старик двинул локтем ему под ребра.

Хома охнул, покраснел и, отбросив кости в костер, сердито отвернулся от старика.

– Ладно, не сердись,– характерник заговорил серьезно.– Все равно не помогла бы тебе твоя сабля. Против нечисти она бессильна,– пояснил старик. – Радуйся, что остался жив.

Расслабившись, Хома стал со смаком облизывать пальцы:

– Откуда она только берется, нечисть эта?

– А она всегда была,– характерник встал и направился к стене шалаша.– Просто вам раньше было не по пути.

– Это что же значит?! – парень вскочил на ноги. – Нам и нонче не по пути! Я в Святую Троицу верую!

– Это хорошо,– перебирая оружие, старик ухмыльнулся в седую бороду.

– Ты что же, смеешься надо мною?! – вспыхнул бурсак и сжал кулаки.

Старик равнодушно пожал плечами и, развернувшись, протянул Хоме изогнутую саблю, одну из двух, висевших на стене.

– На вот, возьми. А свою оглоблю оставь у меня. Хома разом остыл и так и замер с открытым ртом.

– Я не могу,– пролепетал бурсак.– Она слишком дорогая.

– Дорогая,– подтвердил характерник.– Но тебе без нее теперь никак. Главное, не забывай ею пользоваться. И, может, потренируйся.

– Не забуду,– парень благодарно принял оружие. Сабля оказалась удивительно легкой и очень острой, серебряная рукоять удобно укладывалась в руку, на ней были высечены сражающиеся ястреб и волк.

– Она что, вся серебряная?! – ахнул Хома, приглядевшись к мерцанию.

– Конечно, не вся! – усмехнулся характерник. – Немного только. Так надо против нечисти. Она боится серебра.

Хома восторженно глядел на саблю. Никогда он не обладал ничем настолько дорогим. Даже его жизнь, казалось бурсаку, стоила меньше, чем это

великолепное оружие.

– Спасибо,– приложив саблю к груди, Хома низко поклонился характернику.

– Тебе пора идти,– кивнул старик.– Не то будет поздно.

– И то правда,– Хома снова поклонился.– Спасибо за все.

– Будь здрав,– характерник широко улыбнулся и обнял бурсака.– Знай, с этого момента,– серьезно прибавил старик, помахивая перед парнем грязным пальцем,– если хочешь жить, будь предельно осторожен. Амулет и саблю всегда держи подле себя.

Хома кивнул и, вынув из кармана амулет, послушно повесил его на шею. Камень вспыхнул голубым. Характерник осторожно отошел подальше. Ухмыльнувшись, Хома спрятал его под рубаху.

Старик засуетился, рыская по шалашу и собирая самодельный дорожный мешок с сухарями и бутылью какой-то жидкости.

– На вот,– он осторожно протянул его своему гостю.

Хома принял мешок и, поклонившись, поспешил на выход. Откинув полог, он вышел из шалаша, не глядя на старика, но чувствуя, что навсегда запомнит его.

Глава VII

Жуткая находка

Был уже вечер, когда Хома, постукивая дорожной палкой, свернул со шляха на совсем узкую тропу.

Это была даже не тропа, а утрамбованная жижа.

– Здесь можно и вовсе оставить сапоги! – пробормотал путник, ткнув палкой в слякоть.– Дальше уж лучше босиком.

Присев на камень, он снял худую обувку, подвесил ее на палку и забросил на плечо.

Кровавый горизонт подрагивал впереди. Солнце почти скрылось за деревьями, отдав последнее тепло. Воздух становился прохладным и влажным, как перед грозой.

Придерживая полы длинного зипуна, надетого для согрева, он зашлепал босыми ногами по скользкой мягкой жиже, изредка вытаскивая из-за пазухи медальон и зачем-то проверяя, не поменял ли цвет странный камень.

– Нужно поскорее отыскать хутор, пока не сделалось совсем темно,– поежившись от озноба, пробормотал Хома и пошел быстрее. Но сумрак и студеный ветер словно спешили за ним по пятам.– Как же это я так припозднился? – вздыхал он, вспоминая все произошедшее с ним накануне.– Лес давным-давно должен был закончиться! Здесь, глядишь, и волки водятся,– Хома боязливо осмотрел густой ряд деревьев неподалеку. Ему даже показалось, что он заметил там какое-то шевеление. Стараясь не думать об этом, Хома попытался представить, как хорошо ему будет, когда он наконец доберется до хутора и как следует согреется. Ежели, конечно, пан не осерчает за опоздание и не прогонит его.– Как же жрать хочется,– в животе у бурсака заурчало.

Остановившись, Хома снял дорожный мешок, чтобы проверить, может, остались хотя бы крошки от сухарей. Но оказалось, что крошки он давно уже съел. А также выпил странную жидкость, налитую в бутыль характерником, которая неожиданным образом придала ему сил, хотя на вкус была не лучше лошадиной мочи. Благодаря ей бурсак энергично прошагал верст десять в бодром настроении.

К вечеру силы снова иссякли, мешок был предательски пуст и болтался на плече бесполезным кулем. Оглядевшись, Хома увидел все те же деревья да холмы, никаких признаков хутора. По всему казалось, что он заблудился.

– Быстрее бы добраться, а то так ведь и подохнуть можно.– Хома пошарил в карманах, но ничего там не нашел, кроме пера, усыпанного табаком. Набив

люльку, Хома закурил, чтобы хоть как-то заглушить голод, и зашагал быстрее.

Когда он взошел на очередной холм, впереди показалась нива с вызревающим житом.

– Значит, хутор близко! – решил семинарист и снова заторопился. Хлюп-хлюп – чавкали по грязи босые ноги. Серебряная сабля, висевшая на поясе, глухо позвякивала, напоминая Хоме о характернике и придавая храбрости.

На землю равномерно укладывались мягкие хлопья тумана, обволакивая все вокруг пеленою. Стало совсем ничего не видно.

Потеряв ориентацию, Хома встревоженно шел наугад туда, где, как ему казалось, должен быть хутор. Вокруг него чернели пугающие деревья с густыми зарослями, которые при ходьбе цеплялись за зипун, словно корявые руки лешего, не давая идти, сбивая с ног. Сучья с колючками больно искололи Хоме ноги, и он пожалел, что снял сапоги, но остановиться, чтобы надеть их, было еще страшнее.

Вдруг Хоме показалось, что он почуял запах дыма. Замерев в тумане, как слепой крот, Хома принюхался и, круто развернувшись, заторопился туда. Запах пропал. Неожиданно дымок появился снова. Он бросился уже в другую сторону. Тяжело дыша, он одолел холм и снова вышел на нивы с житом.

– Что за черт! – выругался бурсак.– Я здесь уже был! Бесовщина какая-то! – Хома вгляделся в темноту и туман. Кривые ветви деревьев склоняли над ним свои кроны, словно уродливые великаны. Вокруг стояла пронзительная тишина.– Или теперь я подошел с другой стороны? – стараясь не волноваться, парень поводил руками в воздухе и прошептал: – Эка леший меня путает! Вроде бы верно шел!

Он прислушался к тишине. Где-то далеко, словно через вату тумана, пролаяла собака. Ей ответила другая.

– Хутор совсем близко! – вскрикнув, Хома побежал. Собак он больше не слышал, только чавканье своих ног, шуршание листьев на ветру, хруст ломаемых веток да собственное тяжелое дыхание.

Где-то вдалеке раздался пронзительный женский крик. Он был таким страшным и отчаянным, какого Хома не слыхал никогда. Не зная, что делать, он замер, схватившись за саблю и трудно дыша. Внутри молниеносно разлился противный ледяной страх.

– Что же мне делать? – в отчаянии прошептал Хома.– Может, повернуть обратно? Только в какую сторону?! – он задрожал.

Где-то совсем близко завыли волки. Это стало последней каплей. Подскочив на месте, Хома бросился наутек в противоположную сторону.

Он летел быстро, не разбирая дороги, и ветки остервенело стегали его по лицу, оставляя мелкие кровавые царапины. Закрываясь свободной рукой, он то и дело подбирал намокший зипун, который беспощадно цеплялся за кустарники, и падал, падал, раня ладони и колени. Не думая о сукне, Хома с силой вырывал зипун, мечтая лишь освободиться и выбраться из этого жуткого тумана, который обступил его со всех сторон, которому, казалось, не будет конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kohanenko_ol-ga/homa-brut

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить